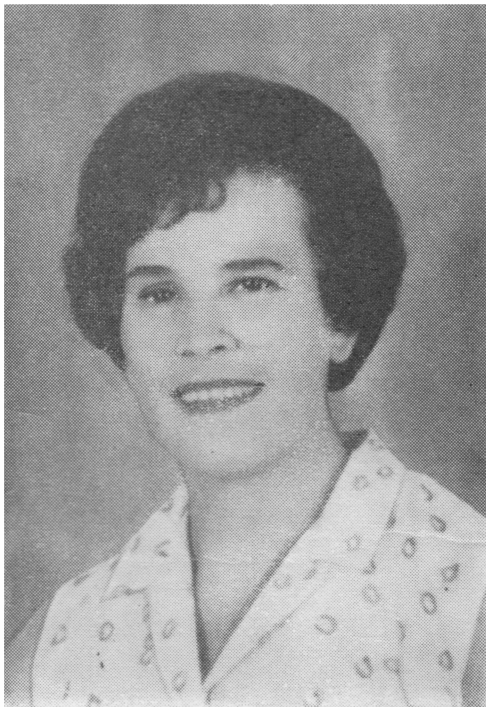

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 13

1971

Бетти КОЛЛИНС

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 13

Бетти КОЛЛИНЗ

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

РАССКАЗЫ

Перевод с английского В. Коткина

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1971

Бетти КОЛЛИНЗ

Австралийская писательница Бетти Коллинз родилась в 1921 году в Мельбурне. Литературную деятельность начала как поэтесса, а в 1949 году опубликовала свой первый рассказ. С тех пор ею написано большое число рассказов, посвященных жизни и борьбе трудовой Австралии. Рассказы Бетти Коллинз широко печатаются не только в самой Австралии, но и в Англии, ГДР, Финляндии и ряде других стран.

Советский читатель знаком с творчеством Бетти Коллинз по ряду рассказов, публиковавшихся в «Неделе», «Литературной России», «Знамени», «Октябре», «Звезде Востока» и других периодических изданиях.

В 1968 году подборка рассказов Бетти Коллинз вышла в СССР отдельной книжкой в серии «Библиотеки «Огонька» (№ 20, 1968 г. «Трудный выбор»). Многие рассказы Бетти Коллинз носят автобиографический характер, точно так же, как и опубликованный в журнале «Иностранная литература» роман «В медном котле» — первое крупное произведение писательницы.

ЗВУКИ МУЗЫКИ

Нел Джонс играла на пианино. Она сидела выпрямившись на старом круглом стуле, пальцы ее легко бегали по пожелтевшим клавишам. Голова с тяжелой копной волос гордо вскинута вверх, на лице застыла улыбка. В эти минуты она играла для себя. Музыка делала ее счастливой и хоть на какие-то мгновения давала возможность почувствовать себя свободной.

Ее старшая четырнадцатилетняя дочь Молли зажгла керосиновую лампу и поставила ее так, чтобы осветить пюпитр и волосы матери. Молли любила эти волосы. Она видела мало красоты вокруг, разве что закат, красный и такой живой, что невозможно было оторвать взора, когда солнце опускалось за голые скалы.

Лампа тускло осветила грязные брезентовые стены палатки, металлическую крышу и земляной пол. Нел улыбнулась дочери и начала играть старинные австралийские баллады и песни, ставшие популярными во время войны. Большинство здешних мужчин были участниками войны, провели годы в траншеях. Вши, болезни и смерть неотступно следовали за ними вплоть до того ноябрьского дня 1918 года, когда настал мир и солдаты разошлись наконец по своим домам, чтобы снова вдохнуть в себя жизнь.

Остальные дети, их было шестеро, чинно вошли в палатку, по-воскресному чистенькие, и сели на самодельный вязаный коврик. В воскресные вечера они всегда засиживались дольше обычного, но когда все же уходили спать, то через занавеску, отделявшую их половину палатки от той, где стояло пианино, долго еще слышали пение.

— А ты и сегодня собираешься попить всю братию чаем? — спросил Том Джонс у жены.

Он знал, каков будет ответ. Эти воскресные вечера уже давно вошли в обычай. Да и спросил он, очевидно, лишь для того, чтобы отвлечь жену от музыки и переключить ее внимание на себя.

— Мы ведь всегда это делаем, Том,— с упреком сказала она.— И знаешь, это совсем не составляет никакого труда. Молли расставит чашки, а Оуэн последит за огнем. В большом черном чайнике есть вода.

Нел улыбнулась мужу, мягкий свет лампы падал на ее лицо, и высушенная солнцем кожа казалась теплой и мягкой. Щеки Нел горели. Шея была гладкой, как у подростка.

«Это оттого, что она так прямо держит голову»,— с завистью подумал Том.

Он вышел во двор и поставил старый чайник на огонь.

Музыка была слышна повсюду. Шахтеры один за другим выходили из своих жилищ и направлялись к скромной палатке Джонсов. Женщины, а их все еще было маловато в этом новом шахтерском поселке на дальнем северо-востоке Австралии, пришли, захватив с собой пшеничные лепешки, сахар, баночки со сгущенным молоком. Если не считать многочисленного семейства Джонсов, детей в поселке было тоже немного. Малыши уже спали, ребяташки постарше, набежавшись босиком по теплой сухой пыли, пришли к палатке. Они шумели, возились, пока наконец родители не успокоили их, усадив в кружок возле огня на улице, быстро погружавшейся в темноту.

Взрослые собрались в палатке. Мужчины столпились возле пианино, женщины уселись на коробках, ящиках, шатких стульях. Скоро пели уже все. Голоса, сильные, счастливые, разносились в тишине поселка.

Они пели, и музыка воскрешала в их памяти отчий дом, предвоенный, разумный мир, матерей, одетых в длинные платья, скромные жилища, где пахло чистыми натертыми полами и комнатными цветами.

Пианино было свадебным подарком Нел от матери. Том и Нел поженились в маленькой шахтерской деревушке в Уэльсе, в Англии, где они оба родились. Там же у них еще до войны родились двое детей. А потом началась война, и Том оказался во Франции. Вернулся он домой совсем другим человеком, огрубевшим, раздражительным, злым. Он стал особенно невыносим, когда на шахтах началась безработица, сразу после окончания военных поставок угля.

Жизнь была нищенской, мрачной, безрадостной, и тогда Том увез свою семью — Нел, двух подросших детей и новорожденного в Австралию. Когда они плыли туда на переполненном переселенцами корабле, их пианино было вместе с ними.

С тех пор это пианино следовало за ними повсюду. После нескольких месяцев скитаний в поисках работы Том определился наконец на вновь открывавшуюся шахту в Маунт-Мил-

лигане, на полуострове Кейп-Йорк. За год до этого взрыв за одну ночь оставил здесь вдовами девяносто женщин. Том должен был разгрести завалы в шахте, вытаскивать наверх останки погибших рабочих. Теперь, когда все, кто знал этих шахтеров, уехали из поселка, администрация могла наконец похоронить останки.

Но ведь не за этим же он проехал полмира. Когда представилась возможность получить работу на крайнем северо-западе, Нел уже снова была беременна. Они собрали свои нехитрые пожитки, погрузили все в повозку, запряженную волом, и двинулись в дальний путь через пустыню. Пианино было с ними.

И куда бы они ни ездили, всюду возили с собой и пианино.

Человек ко всему привыкает. Начали и они свыкаться с такой жизнью. Нел жила в палатках, во временных, наскоро сколоченных хибарах, готовила на походной плитке, храбро воевала с заползавшими змеями и почти каждый год рожала. А ее прежняя жизнь в шахтерской деревушке в Уэльсе казалась ей чем-то далеким-далеким и постепенно стиралась из памяти.

Но в каждый воскресный вечер, если только ей не препятствовала болезнь или переезд на новое место работы, Нел играла, а люди приходили и пели.

Сегодня будет их последний музыкальный вечер на этом месте. Они собрались уезжать поближе к побережью, туда, где закладывались новые угольные шахты и где Тому обещали работу, а Нел — жилье...

Нел продолжала играть, а те, кто пел, все не расходились. Ребятишки один за другим уходили домой спать. Молли и Оуэн укрыли одеялами своих младших братишек и сестренку и уснули рядом с ними, уставшие за весь длинный и жаркий день, взволнованные и опечаленные предстоящим отъездом так же, как и те люди, которые пели вместе с ними на прощание.

Женщины вскипятили воду, принесли в палатку густой, сладкий чай, разлили его в грубые глиняные чашки. Нел повернулась на своем круглом стуле, выпила чай вместе со всеми и снова обратилась к клавиатуре. Людям хотелось спеть все любимые песни, наполнить звуками уснувший поселок, чтобы и тогда, когда эта женщина и ее пианино уже будут далеко, песни оставались с ними.

Густая ночь скрывала их лица, когда они наконец распрощались. Нел и Том постояли некоторое время у входа в палатку, послушали эхо удалявшихся шагов, потом закрыли пианино и пошли спать. Нел подумала, немного заколебавшись, не случится ли так, что страсть, которая их сейчас томила, при-

несет ей еще одного ребенка. Но ведь в этой жизни, становившейся порой невыносимой, у нее не было ничего другого, чем она могла бы одарить своего мужа.

Утром семейству Джонсов потребовалось совсем немного времени, чтобы собраться в дорогу, они уже были не новички в таком деле. Соседи помогли погрузить пианино. С остальными вещами они справились сами. В ящик с посудой положили одежду, потом погрузили инструменты Тома, постели, кое-что из мебели, железный сундучок, палатку и занавески, разделявшие ее на комнаты. Все это им должно было пригодиться и в будущем. Пианино поставили у кабины, привязав веревками; оно тускло поблескивало под первыми лучами утреннего солнца.

Вначале все шло хорошо. Детям поездка нравилась. Они проезжали заросли спинифекса, совсем рядом с начинавшейся пустыней. Красноватая пыль ложилась на брезент кузова, длинным оседающим облаком взлетала позади машины.

В тени высоких деревьев, распростерших свои ветви над живописной лужайкой, Джонсы сделали привал, разожгли костер из крепких спутанных сучьев эвкалипта, вскипятили чай.

Затем двинулись дальше к побережью. Дети, увидев огромные, накатывающиеся друг на друга волны Тихого океана, бросились в воду, пробовали плавать, плескались, смеялись, подерживали меньших братьев и сестер, когда волна набегала на малышей.

Нел разрешила детям позабыть на время о зачитанных, с загнутыми углами учебниках, упакованных в железный сундучок. В Коллинсуилле будет школа, и тогда исчезнет наконец одно из самых больших волнений в ее жизни.

Молли, Оуэна, Льюиса — ребенка, появившегося на свет после возвращения Тома с войны, — и даже маленького Эвана, первого австралийца в их семье, Нел пыталась учить сама, испытывая благоговение перед наукой, что так свойственно людям, получившим весьма скромное образование. Часто вечерами, перед тем, как уложить детей спать, Нел пела им песни. И еще она учила ребят музыке. Она засаживала их за пианино, отрывая от игр.

Сейчас, видя, как постепенно исчезает озабоченность и усталость с лица жены, как радуются и веселятся дети, Том решил проехать по побережью и немного продлить путешествие.

Дорога была хорошо укатана; она шла вдоль новой одноколейки, временами спускалась вниз к пересохшим руслам маленьких речушек, потом снова поднималась вверх. Иногда они сворачивали с основной дороги и ехали стороной, там, где легче было проехать между деревьями и камнями. Наконец дорога скользнула в туннель. Грузовик Тома подошел к насыпи,

но проехать дальше не смог. Туннель был очень низким, а вещи оказались нагруженными высоко.

Весь этот день настроение Тома постепенно падало. Грузовик ехал со скоростью не более десяти миль в час, приходилось объезжать овраги, иногда сворачивать в сторону от преграждавших путь завалов из веток и камней. И каждый раз, когда машина съезжала в глубокий овраг или преодолевала препятствие, пианино ударялось о кабину. Дребезжание и звон струн добавлялись к шуму мотора и к прерывистым вскрикиваниям Мэй, их младшей дочери, сидевшей в кабине на руках у матери. Том выругался, употребив одно из самых крепких австралийских выражений, отъехал немного назад от туннеля и остановился на обочине дороги. Вместе со старшими детьми он снял с грузовика все так хорошо уложенные вещи, пианино они кое-как спустили на веревках. Нел с упавшим сердцем наблюдала, как его поставили прямо в придорожную пыль.

— Вот наконец-то дошла очередь и до этого драгоценного пианино! — сказал Том. — Я таскал его за собою по всему свету, но теперь уж ему пришел конец. Больше я таскать его не намерен. Пусть остается здесь.

— Нет! — решительно сказала Нел.

Она смотрела на мужа вызывающе, с откровенным неповиновением. Молли подошла к матери и встала рядом с ней. Женщина с волосами кремового цвета и подросшая девочка стояли вместе на солнце среди оседающей пыли.

Том побагровел. Он свирепо ринулся разгружать оставшиеся вещи и позвал на помощь детей. Но никто из них не сдвинулся с места. Ребята стояли, молча переводя взгляд с отца на мать, нежно глядели пианино, оставляя следы рук на покрытой пылью крышке.

— Видишь, что ты делаешь? — закричал Том. — Ты учишь детей непослушанию, но я их заставляю палкой...

— Том, будь благоразумным... — начала Нел.

— Это ты будь благоразумной! — крикнул он. — Для чего ты вышла за меня? Чтобы я был лакеем около твоего пианино?

— Если ты оставишь здесь пианино, — сказала Нел, — ты оставишь здесь и меня.

Она отдала малышку Мэй Молли, достала из кабины корзину и принялась делать сэндвичи: тонкие кусочки хлеба намазывала маслом и сливовым вареньем. Том отказался есть. С трудом сдерживая гнев, он приказал старшим сыновьям помочь ему перетаскать вещи и снова нагрузить их в кузов. Потом провел машину под насыпью и сел в кабину один. Он закурил сигарету, открыл маленькую бутылку пива, купленную еще в Боуэне, и выпил большими глотками эту теплую пенистую жид-

кость. Понемногу гнев его стал улечувиваться. Промокшая от пота рубашка холодила спину, пиво и сигарета привычно успокаивали нервы. Кропотливо перебирал он в уме все перипетии их совместной жизни.

Отец Нел владел шахтой и пивным баром в долине Ронда. Был он человеком суровым и истинным эксплуататором. Выплачивая жалование рабочим обычно в своем баре, он тут же предлагал им выпить. Первую стопку давал бесплатно, был добрым и компанейским. Дальше уже все шло своим чередом. Шахтеры оставляли в баре изрядную долю полочки и уныло тащились домой к женам, еле волоча ноги.

Нел выросла в этом баре. Правда, она не общалась с посетителями. В школу Нел не ходила, потому что отец испытывал отвращение к образованным женщинам. Зато у нее были красивые наряды, белоснежная кровать и служанка, которая зашнуровывала и расшнуровывала ей ботинки. И все же девушке каким-то образом удалось встретиться шахтера и влюбиться. Отец в бешенстве устроил скандал, неистово проклиная молодых, вконец с ними рассорился и вычеркнул их из своей жизни.

В день их свадьбы матери Нел как-то удалось выбраться из дома да еще привезти им в подарок пианино, одну из немногих вещей, что могла назвать своей собственностью среди всей роскоши их дома позади бара.

Том допил пиво и закурил еще одну сигарету. Он горько улыбнулся, вспомнив, как туго пришлось Нел вначале, когда на нее свалилось все хозяйство, и как она героически со всем справлялась, как она горячо взялась за книги, чтобы узнать хоть немножко больше того, что смогла дать ей ее мать.

Потом они покинули Уэльс, может быть, навсегда, проехали полмира и очутились в Австралии. Нел было мучительно трудно приспособиться к новым условиям не потому, что они уехали так далеко от родных мест — путешествие ей даже понравилось, — а из-за условий жизни в этих местах, из-за того, что ко всему прочему ей, чтобы выжить и уцелеть, нужно было воспитывать в себе стойкость, выносливость и упорство, так необходимые жене часто переезжавшего с места на место шахтера.

Он вспомнил, как прошла первая неделя их жизни в Маунт-Миллигане; несколько рабочих, живших в домике, покрытом железными листами, уступили им свое место, потому что Джонсы приехали с детьми. Он работал в ночную смену, и все ночи напролет Нел ждала его, боясь потушить лампу или заснуть, — она сторожила детей, спавших в кроватках на деревянных козлах. Ей казалось, что в домике что-то шуршит. Когда она говорила об этом, Том и рабочие просто смеялись. Но после не-

скольких бессонных ночей, когда Нел стала похожа на свою тень, она наконец настояла на том, чтобы вынести из домика все вещи. В одном из углов все увидели четыре черных змеи.

Несколько лет дела у Джонса шли ни шатко, ни валко, радостных дней выпадало мало. Но Нел уже как-то освоилась, закалилась, стала выносливой и никогда не давала Тому повода усомниться в ее любви к нему. Почти каждый год у них рождались дети. Она никогда ничего не требовала. Единственное, что, казалось, ей было совершенно необходимым,— это ее пианино...

Он заерзал на сиденье, отодвинулся от руля, чтобы сесть удобнее, раздраженно отмахнулся от мух и подумал, что все это так, но и не совсем так. Правда, она любит пианино. Она заботится о нем, как о своем ребенке, тщательно вытирает пыль и следит, чтобы инструмент стоял всегда у теневой стенки палатки или хижины, подкладывает бумагу или немного земли, чтобы пианино стояло прочно и прямо, настраивает его, как только узнает, что где-то в округе объявился настройщик. Но все это она делает не только для себя. Каждого, кто проявляет хоть какой-то интерес к музыке, Нел готова приветливо принять и предложить ему пользоваться инструментом. Она учит детей любить музыку и аккуратно обращается с пианино. Даже малыши относятся к этому серьезно и прикасаются к клавишам, как к какому-то чуду. К тому же Нел всегда играет для других. И он с завистью сознавал, что в воскресные вечера у нее завязываются более глубокие дружественные отношения с людьми, чем у него с его приятелями в многочисленных барах. Ну, а о том, как Нел относится к семье, и говорить не приходится. В самые жаркие дни Том, приходя домой из шахты грязным и измученным, всегда видел, что ему приготовлено поест и помыться, что дети чувствуют себя хорошо, они накормлены и чисты.

Он посмотрел в зеркальце кабины и увидел детей, игравших возле матери. Том заметил, что они то и дело поглядывают на дорогу, будто ожидают какого-то неприятного события.

Оуэн и Молли собрали сухие ветки и разложили костер, налили в жестяной походный котелок воды из баллона, висевшего на кузове, осторожно поглядывая на кабину, где был отец...

Нел с маленькой Мэй на руках сидела в тени на старом одеяле. Она гладила в задумчивости шелковистые волосы дочери, отгоняла от малышки мух. Перед ее мысленным взором тоже проходили картины их с Томом совместной жизни. И постепенно ее решимость стала ослабевать. Да, ее жизнь с Томом не была легкой. Но Нел никогда не винила Тома за то, что он был простым шахтером. И пока у нее было пианино, могла мирить-

ся с трудностями жизни. Это шло не только от музыки, не только от создаваемых ею иллюзий, будто, проходя вместе с мелодией сквозь стены палатки, через брезент и железо, она улетает далеко-далеко в родные места. Нет, это шло от сознания, что своей музыкой она как-то может помочь другим. Дело было в том, что при всей их с Томом бедности, при всех трудностях жизни, имея пианино, она всегда обладала чем-то, чем могла поделиться с людьми.

Тени стали длиннее, край неба превратился в розово-золотой. Скоро эти краски перейдут в темно-красные, пурпурные, синие, и ночь покроет землю своей чернотой. Тому выходить на работу завтра в дневную смену, а ему еще нужно установить две палатки и хоть немного поспать. А как вести машину в темноте?

Вздыхнув, Нел положила спящую Мэй на одеяло и встала. С болью в сердце шла она к машине.

Навстречу ей шел Том с брезентом в руках. Они заговорили одновременно.

— Том,— сказала она,— я согласна. Бросим здесь пианино и поедем.

— Дружок,— тихо сказал он,— мы как-нибудь постараемся протолкнуть его на этом брезенте и погрузить...

Она бросилась к нему, крепко обвила его шею руками и заплакала, длинно и судорожно всхлипывая. Он уронил свою носу в придорожную пыль и прижал к себе жену.

Дети стали смеяться, кричать и прыгать от радости. А Молли, достаточно взрослая, чтобы уже понять, как дорого стоило ее родителям пойти друг другу на уступки, почувствовала, как слезы подступают к глазам, и отвернулась.

Вдоль по дороге, ссутулившись под тяжестью рюкзаков, не торопясь, чтобы сберечь силы, шли двое мужчин.

Молли побегала навстречу им, за ней бросились и остальные дети, растянувшись в цепочку в зависимости от длины своих ног. Они прыгали в облаке красной пыли, махали руками и что-то кричали.

Окружив мужчин, дети потащили их, как долгожданную находку, к родителю.

— Пожалуйста,— говорила Молли,— помогите нам перетащить мамино пианино.

Том пожал мужчинам руки, представил жену и все семейство. Дети вдруг стали необыкновенно вежливыми, будто находились в чьем-то высокопоставленном доме, а не стояли на пыльной дороге за много миль от какого-либо жилья. Мальчики бросились собирать сучья и разжигать костер. Нел налила в котелок свежей воды и снова достала хлеб и варенье.

В нескольких словах Том объяснил незнакомцам, что без посторонней помощи протащить пианино под насыпью и снова водрузить его на грузовик ему и сыновьям не под силу.

Двое людей оказались странствующими торговцами, они тащили на плечах тяжелую поклажу, по пути делали привалы, ночевали в степи, ели из походного котелка, но упорно продвигались вперед. В полдень, не успели они расположиться на отдых, как в нескольких милях от них проехал грузовик. Они проклинали ту минуту, когда сошли с дороги,— единственная попутная машина была упущена.

И вот теперь эта заминка из-за пианино обернулась для них огромной удачей.

— Мы с радостью поможем, дружище,— сказал один из торговцев после того, как выпил чаю и поставил кружку на землю.— Твоя жена и ее музыка здесь хорошо известны. Ты даже не поверишь, как много людей в самых разных местах говорили нам о ней, о том, как она играет.

— Мы вдвоем легко протащим пианино через туннель,— сказал его попутчик Майк.— Потом поможем погрузить его в машину. А ты, может быть, разрешишь нам подъехать в кузове с твоими детишками.

Они кончили пить чай, подняли пианино и, часто останавливаясь, заходя то с одной, то с другой стороны, протащили его и поставили на бугорок, к которому Том подогнал грузовик. Потом общими усилиями пианино наконец было водружено на его старое место и поставлено спинкой к кабине. Путники сложили остальные вещи и крепко увязали поклажу веревками. В кузов вскарабкались дети, новые пассажиры влезли следом за ними. И вскоре грузовичок Джонсов уже ехал в наступающих сумерках, подсакивая на ухабах, скрежеща колесами о камни.

В воскресенье вечером Нел, как обычно, села на свой старенький стул у пианино и начала играть. Лампа освещала ее волосы и брезентовые стены палатки.

Места было маловато. Но ведь когда-нибудь Том все же построит им настоящий дом и они наконец заживут по-человечески. Дети подрастут, пойдут в школу. И, возможно, кому-нибудь из них удастся даже поехать на побережье учиться в университете.

Люди, которые по-прежнему станут вечерами приходить к ним в дом, чтобы петь песни, будут сидеть на добротных стульях, чай тогда им подадут в чашках с блюдцами, и они будут есть кексы, испеченные в настоящей печке.

Взгляд Нел, потеплевший от этих мечтаний, остановился на лице дочери. Молли подрастет, станет красивой девушкой,

выйдет замуж за человека, тоже хорошо устроенного в жизни. Но он должен быть настоящим человеком, шахтером, таким, как Том, и отец Тома, и его дед.

Том вытаскивал чашки из старого железного сундука.

— Не нужно доставать так много, дорогой,— сказала ему Нел.— Может быть, в первый раз никто и не придет.

— Придут,— уверенно сказал Том и улыбнулся.

Накануне вечером он вместе с Майком и его попутчиком зашел в бар выпить пива. У всех троих теперь была работа, и они чувствовали, что такое событие нужно отметить.

— У моей жены есть пианино,— сказал Том собравшимся в баре.— По воскресеньям вечером, где бы мы ни были, она играет, а люди приходят и поют. Я провез этот инструмент по всему Квисленду, до самого Кейп-Йорка, а вообще мы притащили его из Англии. Когда вы услышите, как жена играет, и вам захочется прийти.

И вот еще в одном шахтерском поселке, как и всюду, первыми к Джонсам пришли дети и расселись на самодельном коврикe, расстеленном на земляном полу.

Нел начала играть старинные австралийские песни. А в наступившей темноте, где лишь одна звезда светила над головой, от потухающих костров, разложенных вдоль всей улицы, к новой, незнакомой палатке потянулись люди, привлеченные звуками музыки.

ПЛАТЬЕ

Легкий ветерок прошелестел среди листвы деревьев, прижавшихся группками к пересохшей речушке. Розово-жемчужные краски, расписавшие небо, поблекли. Каменистая почва за домом на лужайке на миг сверкнула золотом, и взошло солнце.

Мирра, еще полусонная, медленно выбралась из кровати и принялась разводять огонь. Она осторожно подула на угли, оставшиеся еще с вечера, положила на них немного сухих листьев и прутьев и снова принялась дуть, пока не вспыхнул слабый огонек. Но вот огонь разгорелся, в котелке закипала вода, и Мирра привычными движениями стала замешивать лепешки и печь их на горячих углях.

Потом пришли и остальные: женщина, в обязанность которой входила стирка, глаженье и присмотр за садом в поместье, протянувшимся далеко-далеко по возвышенности; муж Мирры, аборигены-гуртовщики, объездчики и другие мужчины, молодые и старые, работавшие в хозяйстве.

Они пили чай, ели горячие лепешки, много смеялись, потому что эти свободные часы, когда хозяева еще спали, были для них самыми приятными. Потом один за другим мужчины ушли кормить и поить скот, ловить и загонять в конюшни лошадей, пыльных, разгоряченных. Перекликаясь громкими голосами, женщины шли по выгону. Они тут же принимались за работу, торопясь не упустить время, пока еще стояла прохлада. А Мирра направилась в старую, почерневшую хибарку, где был оборудован душ.

Мирра мылась каждый день. На этом настаивала ее хозяйка; и, прежде чем войти в дом, Мирра должна была надевать чистое ситцевое платье. Платья эти все уже выгорели и давно потеряли цвет, и Мирре казалось, что у себя в деревне она полуголой выглядит куда лучше. А мыться было приятно.

Еще вчера хозяйка поставила на кухне не две, а три чашки с блюдцами, чтобы напомнить Мирре о том, что к ним приехал гость, брат хозяина. Мирра налила чай сначала в две чашки — хозяйку, который вставал только после того, как выпивал чашку чая, и хозяйке. Та обычно выпивала свою, потом затягивала москитную сетку и снова засыпала.

Затем Мирра наполнила третью чашку и, осторожно ступая босыми ногами, отнесла ее в комнату гостя. Молодой человек с усталым лицом еще спал. Мирра поставила чашку возле кровати и уже повернулась, чтобы бесшумно выскользнуть из комнаты, как вдруг услышала:

— Привет! Ты кто такая?

— Здесь мое имя — Мари.

— А как тебя зовут дома?

— Мирра.

— Это лучше.— Он сонно улыбнулся.— Вот и я буду тоже звать тебя Миррой. А меня зовут Вилли. Спасибо за чай.

Молодой человек Мирре понравился. Ей было девятнадцать лет. Вилли Сомерсу — немногим больше двадцати, он был на пятнадцать лет моложе своего брата Дика, владельца поместья, но иногда ему казалось, что он по крайней мере на тридцать моложе своей невестки, Мэрл Сомерс. Что стало здесь с этой молодой женщиной? Она высохла так же, как земля ее поместья. Никакая самая дорогая косметика, ни кремы, ни шампуни не могли уже помочь.

Скверная вода, изнуряющая жара, постоянная пыль совершенно изменили ее облик, ничего не оставив от той, прежней Мэрл, на которой женился Дик два года тому назад. Детей у них не было. Она даже почти забыла, как ей хотелось иметь ребенка, забыла о тех бесконечно длинных, душных днях, когда она ждала своего первенца. Дик тогда говорил: «Не волнуйся.

Старая Мари будет следить за тобой. Эти аборигенки — чудесные повитухи. Ну, а если нужно будет, всегда можно вызвать врача, и он прилетит сюда самолетом. Сейчас неразумно ехать на побережье по таким, как у нас, дорогам. Ребенок может родиться где-то на полпути!» И он, беспечно улыбаясь, целовал ее и снова торопился к загонам, к своему все увеличивающемуся стаду...

И она старалась не волноваться. Сидя возле дома в скудной тени полусохших деревьев, она вязала для ребенка, старательно, стежок за стежком вышивала батистовые распашонки, которые не суждено было увидеть никому, кроме Дика да еще двух-трех аборигенов.

Она так глубоко затаила в себе неудачу первых родов, что теперь в памяти ее осталось лишь потное, измученное, растерянное лицо смуглой женщины, склонившейся над нею, врача, которому все же в конце концов пришлось прилететь и который погрузил ее в сон, показавшийся ей смертью. Ей даже не хотелось просыпаться после всего случившегося.

И вот теперь у нее осталась лишь маленькая могилка в беспорядочно посаженном саду, где покоился ее ребенок, да почти истерическая решимость никогда больше не рожать.

Год назад умерла та служанка, старая Мари; ее место заняла молодая аборигенка, которую тоже стали звать этим именем и долго обучали тому, как прислуживать хозяйке. Но хозяйка никак не могла свыкнуться с новой служанкой, хотя девушка и была единственным, не считая Дика, человеком, с которым она общалась здесь, в этом огромном поместье, протянувшимся на многие мили по выжженной, пыльной земле, отгороженном от других соседей-скотоводов и вообще от цивилизации.

Каждый год на время каникул к ним приезжал Вилли, сначала студент педагогического колледжа, а теперь уже учитель. И вот сейчас он снова сюда приехал. Ему не нравилось отношение Мэрл к аборигенам, он как-то даже попытался поговорить с ней.

— Ты знаешь, Мэрл, у нас в школе учатся их дети. Право же, эти малыши очень смышленные. Они такие живые, забавные и, я бы сказал, даже красивые — особенно красивы их большие темные глаза. Почему бы тебе не попытаться заниматься с детьми аборигенов здесь, в поместье?

— Ни Дик, ни я никогда не давали тебе советов, как тебе лучше вести дела в твоей школе, — ответила она холодно. — Пожалуйста, не учи и нас, как нам жить в нашем доме.

У нее был красивый дом. Вокруг на сотни миль простиралась пастбища. Но вот уже два года стояла страшная засуха. Пастбища стали безжизненными, покрылись пылью, зарос-

ли колючками. Дик Сомерс, чтобы как-то прокормить скот, перегонял стада в другие, более отдаленные места, где еще местами сохранилась трава; скупая скот у отчаявшихся соседей, он упорствовал: когда польют дожди, он сразу разбогатеет. Все это отнимало много сил, и Дик ходил мрачнее тучи.

На другой день после приезда Вилли Мирра убирала его комнату. Всюду валялись разбросанные вещи, но все они были такие хорошие: белье белое и мягкое, а рубашки, ну прямо как у хозяйки. Жаль отдавать стирать старой Молли. Она бросит их кипятить в котел вместе с простынями и полотенцами и все испортит. Лучше уж Мирра сама все постирает. Каждое утро она приносила Вилли чай, он лениво ее благодарил. Она убирала его комнату, стирала рубашки и потом развешивала их в шкафу или укладывала белье в ящики. Она чистила его ботинки, смывала грязь с сапог.

Мирре казалось, что она возрождается к жизни, — такое тепло исходило от непринужденного дружелюбия Вилли. Она работала весело и споро, и Мэрл ни разу не пришлось к чему-либо придраться. А у себя в деревне она ласково смотрела на своего усталого молодого мужа и старалась его развеселить.

Сухой, горячий воздух быстро вернул краски лицу Вилли и снял тени усталости. Он не отличался очень уж крепким здоровьем, ему было далеко до Дика, проводившего целые дни в степи на пастбищах. К тому же весь прошедший год Вилли преподавал, а ночами учился сам. По окончании колледжа ему дали смешанную школу. Работать в ней было очень трудно. Приходилось сразу вести шесть классов, собранных в одной комнате.

Нелегко было управляться с этими неутомными курчавыми мальчишками, то и дело глазевшими в окна, выходящие на залитый солнцем двор.

Когда Вилли думал о своей школе, у него всегда перед глазами возникали картины природы: то бабочки, так рельефно вырисовывающиеся в лучах солнца за открытыми окнами класса, то шелестящие ветви эвкалиптов, то внезапный пронзительный крик длиннохвостого попугая.

Дик Сомерс был рад приезду брата. Он сократил — насколько было возможно — свои долгие, утомительные разъезды верхом. Вместе с женой и Вилли Дик проводил звездные вечера в саду, развалившись в шезлонге, потягивая пиво и болтая без устали. Его громкий, похожий на лай хохот разносился далеко, нарушая сонную тишину деревни темнокожих.

Мэрл, казалось, тоже была довольна. Ей надоело жить в этом поместье одинокой, изнывающей от скуки. За долгие месяцы страшной засухи забылось все хорошее, что радовало ее

прежде. Вообще-то она не могла жаловаться на свою жизнь, но жару переносить было не в состоянии. Она чувствовала себя опустошенной, совершенно высушенной, как эти окружающие ее поля. Вилли привез с собой разрядку, его веселые шутки заставляли ее мужа на какое-то время забыть об изматывающей борьбе за воду, за спасение стада, за корм для скота. Мэрл стала мягче, резкие черточки вокруг ее рта сгладились. Зной по-прежнему мучил ее, но дни казались уже не такими длинными.

У них редко бывали гости. И вот теперь, когда приехал Вилли и Дик были в хорошем настроении, Мэрл стала подумывать над тем, чтобы устроить вечеринку. Если заранее разослать приглашения, то соседи из других поместий, расположенных за многие мили от них, все же смогут приехать. Она поговорила с Диком, когда они уже собирались ложиться спать.

— Конечно, дорогая,— сказал он.— Я уж и не припомню, когда тебе хотелось затевать такие хлопоты. Закажи все необходимое, а я прослежу, чтобы нам это доставили, когда подъедут передвижные магазины. Возьми себе в помощь женщин,— тебе ведь самой с Мари не управиться. И, ради бога, прекрати втирать этот отвратительный крем!

На миг ее рука замерла в воздухе, потом она схватила бумажную салфетку и стала поспешно вытирать лицо.

— Ты пойми, если я не буду пользоваться кремом, я окончательно засохну.

— Иногда,— возразил он спокойно,— мне хочется, дорогая, чтобы ты просто развлекалась и была женщиной, как все.

Каждый раз, когда Вилли приезжал к брату, жизнь в деревне темнокожих на берегу пересохшей речушки тоже становилась легче. Хозяин и хозяйка всегда казались добродушными и бесхитростными аборигенам странными и холодными людьми. Детей у них не было с того самого времени, когда старая Мари, вся в поту, прибежала в деревню и, закатив глаза так, что остались видны одни белки, рассказала, торопясь и захлебываясь, о докторе, который спустился прямо с неба, разрезал ее хозяйку, а потом снова зашил. У хозяина и хозяйки было больше еды, чем они могли съесть, больше комнат в доме, чем им требовалось, и такое количество земли и скота, что его хватило бы для безбедного существования всему здешнему племени. И, несмотря на несметные, как казалось аборигенам, богатства, хозяева оставались нелюдимыми и несчастными. Строгие правила насчет охоты и засуха, отпугнувшая дичь, которую им разрешалось стрелять,— все это ухудшило положение племени.

Раньше, когда начинались дожди, племя покидало свои жилища и уходило охотиться в окрестности, но всегда возвра-

чалось обратно. Они уже отходили понемногу от старых обычаев, да и собрались сюда из разных мест, но жили вместе одной, дружной, вольной общиной. Влюблялись, страдали, рожали детей, старели, умирали. Когда изредка резали на мясо молодого быка или удача сопутствовала охотникам, устраивались шумные, веселые празднества.

У Мирры по сравнению с другими были некоторые преимущества, но никто не завидовал ни ее работе, ни ее судьбе, которая так близко свела ее с хозяйкой — холодной, надменной женщиной из большого дома. Вечером Мирра обычно возвращалась домой в деревню, зная, что ее встретят приветливо, что она снова увидит своего мужа, ощутит его теплоту и ласку, — если, конечно, он дома, а не где-нибудь на дальних пастбищах, где проверят прочность заграждений или перегоняет стадо к железнодорожной станции.

С приездом Вилли хозяин и хозяйка, казалось, на некоторое время становились добрее и приветливее. Но, зная, что с его отъездом снова все это исчезнет, аборигены стали связывать его отпуск с чем-то вроде отпуска для самих себя.

Однажды Вилли, войдя в свою комнату, застал Мирру за починкой его рубашки.

— Ах, Мирра, Мирра, ты для меня делаешь так много!

Она взглянула на него, на лице ее промелькнула застенчивая улыбка.

— Это совсем мало.

— Нет, нет. Не мало, — возразил он. — Вот что я тебе скажу, Мирра: я сделаю тебе подарок. Чаевые своего рода, если это можно так назвать.

Он вытащил из бумажника пять фунтов и протянул ей.

— Нет, нет, господин Вилли. Я не брат. Потому что я имать мой муж.

— А ты скажи ему, что скопила эти деньги.

— Я получать десять шиллингов и еда все недели, господин Вилли. Он знать, я не прятать деньги.

— Ну, ладно. Тогда я куплю тебе платье, — сказал он, обрадовавшись внезапно пришедшей мысли. — И ты сможешь хранить его там, в душевой.

Она покраснела, это было заметно даже сквозь ее темно-коричневую кожу.

— Иногда я вижу, — продолжал он, — как ты спускаешься в свою деревню, проходишь мимо эвкалиптов, среди струек дыма, тянущихся из хижин, мимо пересохшей речушки. Солнце начинает садиться, и ты в его лучах выглядишь такой красивой. — Он застенчиво улыбнулся. — Я, кажется, становлюсь здесь поэтом. Ну, значит, решили. Покупаем платье.

— Да, платье. В книжке у госпожи есть нарисованное очень красивое платье,— сказала она нерешительно.

— Правильно. Давай сюда эту книжку, Мирра.

В гостиной среди кучи журналов она отыскала каталог и показала платье, которое ей нравилось. Оно было не из самых дорогих, но, пожалуй, действительно самое красивое. Вилли был удивлен ее тонким вкусом и подумал, что здесь, может быть, сказалось влияние его невестки.

Пока был послан заказ в Брисбен, пока посылка дошла обратно до дальнего Запада, прошло немало времени. Но в конце концов, уже в последний день перед отъездом Вилли, платье прибыло. В тот день в большом доме должна была состояться вечеринка, имевшая двойную цель: принять друзей и проводить Вилли, уезжавшего обратно в свой далекий, еще только строящийся поселок.

Весь день Мирра хлопотала на кухне. Хозяйка задумала удивить всех изысканными, утонченными блюдами, которые она сама любила и которых здесь никогда и не видавали. Еще одна аборигенка пришла убирать в комнатах. Дом вычистили до блеска, поставили даже цветы, раздобыв их где-то в пыльном, выгоревшем саду.

Мирра валилась с ног от усталости, но ей еще предстояло обслуживать гостей. Ей удалось выпить лишь чашку чая на кухне; о том, чтобы сходить в деревню, не могло быть и речи. Когда наконец стемнело, она пошла в душевую. На полке, рядом с поношенной одеждой, лежал сверток. Дрожащими руками Мирра раскрыла его. Там было платье, прекрасное, сверкающее, мягкое, такого же цвета, как трава и деревья после дождя.

Она быстро вымылась и надела свое новое платье. Пока подъезжали машины с гостями, растянувшись цепочкой огней по дороге, проложенной через пастбища, она сидела в темноте возле дома. На небе зажглись звезды, яркие, крупные, вот-вот должна была взойти луна.

Она вошла в дом через кухонную дверь.

— Мари! — раздался голос хозяйки.

Мирра взяла большое блюдо с закусками так, как ее учили это делать, и пошла обносить гостей. Она шла с высоко поднятой головой, гордясь новым платьем, не сознавая, впрочем, до конца, как оно подходит к еестройной, подтянутой фигуре, как гармонирует с плавной поступью ее темных босых ног.

Вилли был среди гостей, но он ей не улыбнулся. Наоборот, он даже нахмурился, как бы желая предостеречь ее. Но было уже поздно.

— Как ты посмела?! Как ты посмела унижать меня, ты, черная свинья?

Мирра в ужасе подняла глаза на хозяйку. На ней было точно такое же платье. Оно так же блестело и переливалось, оно было зеленее всех вместе взятых растений, росших здесь, на этой высохшей, бесплодной земле.

Хозяйка выхватила у Мирры блюдо, поставила его на стол и, размахнувшись, сильно ударила девушку по лицу.

— Иди и сейчас же переоденься! — закричала Мэрл.

Снова в выпученном, бесформенном платье Мирра прислуживала гостям. Белые разговаривали, будто ее здесь не было. Они возмущались поведением черных, жаловались на то, какие они грязные, бесчестные и ленивые существа. Конечно, нужно держать их в строгости, Мэрл совершенно правильно разделалась с этой неблагодарной девчонкой и тем выполнила свой поистине священный долг.

Было уже за полночь, когда машины с гостями начали разъезжаться и Мирра могла наконец идти домой. Она пошла в хибару-душевую, взяла сверток с новым платьем. Она не стала возвращаться в деревню обычным путем, вдоль берега высохшей речушки, а свернула в противоположную сторону, к голым скалам, выступавшим позади этой безжизненной равнины. Мирра торопилась, ее босые ноги не чувствовали ни гальки, ни колючек спинафкса. Почти на четвереньках вскарабкалась она наверх и остановилась, тяжело дыша, чуть ли не у самой вершины. Она развязала сверток и достала платье. Потом надела его, ощущая приятное прикосновение нежной ткани к голому телу, расправила материю на бедрах, любуясь игрой зеленого шелка при свете заходящей луны.

Долго стояла она так, глядя то на темный большой дом, то на неясные очертания беспорядочно сгрудившихся хижин ее черных собратьев. Затем, вздохнув, сняла платье, сложила его и засунула поглубже в расщелину скалы. Она прикрыла расщелину камнями и начала нехотя спускаться. Мелкие камешки, крутясь, скатывались вниз из-под ее ног. Медленно шла она домой, в деревню, где жил ее народ.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Весной восемнадцатилетняя Лорни, хорошенькая, довольная своей беременностью, обручилась с Джимом Бенсоном.

Довольна она была потому, что, не будь беременности, свадьба, возможно, не состоялась бы до тех пор, пока Джиму не исполнится двадцать один или двадцать два года. А для Лорни это означало целую вечность.

Теперь Лорни собиралась оставить дом, где прожила все свои годы, и, готовясь к свадьбе, с нетерпением отсчитывала каждый час, который удалял ее от прежней жизни и приближал к новой.

О, как она ненавидела этот убогий, маленький дом! Ее мать и отчим чувствовали себя в нем привычно, как нога в старой, стоптанной комнатной туфле. «Как это ужасно,— думала она,— как противно и отвратительно!..» Особенно отравляло жизнь отсутствие в доме каких бы то ни было удобств.

И что удерживает здесь ее мать Молли? Низкая арендная плата, примитивная стиральная машина да допотопный холодильник? Но Молли и отчим Билл Грант, казалось, были даже счастливы и даже любили мебель, оставленную им в наследство прежними арендаторами дома. Часть вещей они подобрали в доме напротив: соседка разбогатела и выбросила эти рахитичные столы, набитый конским волосом диван и громоздкий черный буфет, который загромождает всю маленькую комнату.

Лорни резко отдернула кружевные занавески и впилась глазами в свадебные наряды, лежащие на кровати. Все ей казалось прекрасным: тонкое нейлоновое белье, прозрачные чулки, бледно-голубое платье, на которое ушел трехнедельный заработок, туфли, подобранная в тон сумка и маленькая, украшенная цветами шляпка.

Еще раньше Лорни вымыла и тщательно уложила волосы и потом, когда мылась в душевой, оборудованной в пристройке за домом, все старалась не замочить их. Для того, чтобы вымыться, ей пришлось греть воду на плите в двух больших бидонах из-под керосина и, сгибаясь под тяжестью ноши, тащить бидоны в пристройку. Переливая воду в железное корыто с обломанными краями, она мысленно проклинала эту жизнь. Нет, никогда, никогда не будет она больше жить в подобных условиях!..

Молли вошла в спальню, когда Лорни одевалась. Худая, выгладевшая старше своих сорока лет, Молли обладала юмором, таким же, как все женщины, не один год прожившие в трущобах, и усвоила в какой-то мере их упорство. Она хорошо знала, почему фунт лиха, и видела, что многие, очень многие живут гораздо хуже, чем живут они с Биллом в этом крохотном, неказистом домике.

— Какие чудесные наряды! — улыбнулась она дочери. — Я рада, что ты купила такие хорошие вещи. Даже чемодан, но в него ведь много не положишь. Что ты думаешь делать с остальными вещами?

— С этими тряпками? — Лорни надела через голову новую комбинацию, она так и заискрилась на солнце. — Можешь оста-

вить их у себя или выбросить. Я больше никогда не стану носить эти вещи.

— Ты в этом вполне уверена? — сухо возразила мать. — Много ли ты сможешь заработать в свои девятнадцать лет? Знаешь, я на всякий случай сохраняю все это.

Лорни пожала плечами и осторожно начала натягивать новые чулки, любуясь красивым изгибом своей ноги.

— Я ведь еще собираюсь поработать немного, — сказала Лорни. — И потом, родители Джима не так уж бедно живут, запомни это.

— Не кажется ли тебе, что ты могла бы чувствовать себя счастливее, если бы поселилась с Джимом отдельно, Лорни? Ведь с родителями мужа жить нелегко. А на первых порах, пока вы еще только вдвоем, не так уж плохо пожить и в маленьком доме.

— В этом, например? — Голос Лорни против ее воли зазвучал почти враждебно. — Нет уж, благодарю. Это не для меня. К тому же родители Джима не будут с нас брать за жилье и питание. Так что нам быстро удастся вырваться вперед.

Весь остаток дня Лорни жила ощущением того, что она уже начала вырваться вперед. Это чувство не покидало ее в такси по пути в церковь, в самой церкви, где, проходя между рядами под руку с отчимом, она расточала щедрые улыбки чопорным родственникам своего будущего мужа, она думала о том же, стоя на коленях рядом с Джимом и чувствуя дрожь его руки от нервного напряжения. Когда настало время обменяться кольцами, он замешкался, и ей пришлось сдержаться, чтобы не помочь ему поскорее надеть кольцо на ее решительно поднятый палец. Потом она позировала перед фотоаппаратом, стоя на церковной паперти. Позировала уже как миссис Бенсон.

Молли оказалась не так уж неправа. Нелегко было Лорни жить с родителями мужа. Но и ее отношения с собственными родителями стали как-то не совсем ясны.

Бенсоны старались подавить свою неприязнь к ней. На какое-то время по крайней мере Лорни почувствовала себя в семейной обстановке, а не в атмосфере неприятно-притворного тепла. Будучи здесь человеком новым, она старалась быть любезной, показать, что у нее хорошие манеры. Но она все время была настороже.

Дом родителей Джима находился в местечке Колларой, в полутора часах езды на автобусе от города и всего лишь в сотне метров от большой излучины чудесного морского берега. При доме был большой сад, просторная зеленая лужайка. Между забором и дорогой рядом росли эвкалипты. Мистер Бенсон считался страстным садоводом, и клумбы перед домом у него всег-

да утопали в цветах. За домом в огороде было полно всевозможных овощей, хорошо произраставших на удобренной и обработанной земле.

В комнатах — ковры, а сами комнаты вначале казались Лорни огромными. Потом она привыкла, и они как будто немного уменьшились. У Бенсонов был телевизор, автоматическая стиральная машина и много других разнообразных электрических бытовых приборов; о них в маленьком домике родителей Лорни не приходилось и мечтать.

Лорни чувствовала себя у Бенсонов как маленький довольный котенок. Правда, комната Джима была несколько загромождена новой двуспальной кроватью, но ведь им не приходилось проводить много времени в этой комнате. По вечерам Лорни и Джим смотрели телевизор или слушали пластинки, а когда к ним, случалось, приходили друзья, старики Бенсоны незаметно исчезали, освобождая для молодых гостиную.

Джим уходил на работу первым. Вначале Лорни вставала вместе с ним, чтобы успеть приготовить ему завтрак. Но по утрам она чувствовала легкое недомогание, и когда они дважды проспали и Джим, точно сумасшедший, без завтрака выбежал из дома, едва успевая на автобус, мать без лишних слов взяла, как и прежде, заботу о нем на себя.

Когда Лорни приходила с работы, обед уже бывал готов. Победа, Лорни говорила:

— Не беспокойтесь о посуде, мама. Мы с Джимом вымоем ее сами. Правда, дорогой?

Джим после этого принимался мыть посуду, а Лорни ставила ее в сушилку.

— Тарелки вытирать не надо, так написано на пакетах с моющим порошком,— говорила она.— А у нас дома нет даже мойки. Представляешь, как я ненавидела там мыть посуду!

Джим, рослый, загорелый и мускулистый, обожал свою маленькую, хрупкую жену. Он дал клятву сделать все, чтобы она никогда больше не жила так, как на Литтл-Уильсон-стрит. Его беспокоило, что ей все еще приходилось работать. Он чувствовал себя почти преступником, когда ей нездоровилось или когда она просто жаловалась на головную боль.

По субботам и воскресеньям они обычно отправлялись на берег и часами лежали на песке, загорали, отдыхали и были совершенно счастливы. Они гуляли вместе, смеялись и восхищались друг другом, упиваясь своей близостью.

Пришло лето. Они купались в море, вместе ныряли на волнах, смеялись, брызгались водой и старались не замечать все более полневшую фигуру Лорни.

Время от времени их навещали Молли и Билл. Долгий автобусный путь не позволял им наезжать сюда в другие дни, кроме субботы и воскресенья. Они обычно заявлялись в воскресенье к обеду. Тогда казалось, что дом до отказа наполняется людьми, оживает, теплеет. Мать бурно восхищалась достатком, в котором жила ее дочь, а Билл восклицал:

— Подумать только, какой сад! Вот работа как раз по мне!

Молли спрашивала:

— Лорни, скажи мне, ты и сейчас встаешь по утрам, готовишь Джиму завтрак? Неужели он не может сделать это сам? Билл, например, всю жизнь готовит себе завтрак сам. Ведь правда, дорогой?

Когда Лорни оставила наконец работу, миссис Бенсон снова возложила на нее приготовление по утрам завтрака для Джима, а сама спала до того часа, когда надо было кормить собственного мужа. Джим стал заводить будильник на полчаса раньше, научился сам делать яичницу. Больше того, он ухитрялся даже напоить Лорни чаем перед своим уходом на работу.

Лорни записалась в больницу, начала покупать приданое для малыша, вязала, сидя на солнце в саду.

Однажды, возвратясь домой вечером, Джим увидел в прихожей голубую детскую кроватку с белой сеткой.

— Она не входит в нашу комнату,— растерянно сказала Лорни.— Надо было мне вначале измерить ее. Но нам нет смысла покупать слишком маленькую. Через два-три месяца все равно пришлось бы ее менять. И знаешь, Джим, твоя мать не очень хорошо отнеслась к этому,— прошептала она на ухо мужу.

Он поцеловал ее.

— Маме это не понравилось? — Он улыбнулся, ему не хотелось верить, что это так.— Но до сих пор все было хорошо. И потом они с отцом почти не бывают у нас.

Они прошли в залитую солнцем столовую, сели за стол. За обедом все было спокойно. Джим проголодался, устал и ничего не замечал. Поэтому он оказался не подготовленным к неожиданной вспышке отца в конце обеда.

— Твоя жена,— начал отец,— предложила, чтобы мы с матерью выехали из нашей комнаты и освободили ее для вас с ребенком.

Марк Бенсон был по натуре спокойным человеком. Он ездил на работу в автобусе, добирался домой в часы «пик», это выматывало его и приводило в состояние раздражения. Но он редко срывал свое раздражение на домашних. Теперь из недели в неделю он чувствовал, как его все больше и больше припирают к стенке в его собственном жилье. Дом оказался оккупированным сыном и молодой невесткой. Что и говорить, Лорни

хороша собой, весела. Он понимал, что ее беспечность — результат неправильного воспитания и молодости. Но если так пойдет дальше, это уж чересчур!

— Твоя мать делала все, что могла,— сказал он сурово, обращаясь к Джиму,— но она уже немолода и устает. Мы старались, как могли, помочь вам начать жить. Но теперь, я думаю, настало время тебе и Лорни самим подумать о себе и подыскать для себя жилье, пока у вас еще не родился ребенок.

Глубоко потрясенная, Лорни уставилась на него широко раскрытыми глазами.

— Если мама передала вам, что я требовала другую комнату, то она просто неправильно меня поняла,— пробормотала она дрожащим голосом.— Я только сказала, что наша комната настолько мала... и кровать занимает так много места, что... мы надеемся... и...

Старик глубоко вздохнул и встал из-за стола.

— Прости, Джим, но этот дом не так уж велик. И потом это чересчур большая нагрузка для твоей матери. Конечно, вы были очень молоды, когда поженились. Но теперь уже пора вам самим о себе заботиться. И Лорни никогда не станет хорошей женой, пока будет иметь возможность уклоняться здесь от работы.

Он ненавидел семейные сцены. Поэтому он пошел смотреть телевизор, оставив жену заканчивать трудное объяснение.

— Отец хочет только того, что хорошо для нас всех, Джим,— сказала мать.— Все молодожены должны жить отдельно от родителей. Было бы очень плохо, если бы мы стали обижаться друг на друга.

Лорни в ярости принялась убирать со стола. Конечно, она и Джим хотели бы жить самостоятельно! Конечно, им противно, что они никогда не могут уединиться и чувствуют себя словно под микроскопом в постоянном присутствии родителей. Конечно, они с Джимом вынуждены были пойти на эту жертву. Но разве это справедливо, что двое пожилых людей хотят жить одни в таком огромном доме?..

Лорни была достаточно благоразумна, чтобы воздержаться от скандала с Бенсонами. Джим передвинул мебель в их маленькой комнатке, и они кое-как втиснули детскую кровать в угол.

Лорни начала подыскивать квартиру. Она просматривала все газеты, звонила по телефонам, ездила сама смотреть комнаты и целые квартиры, но все было тщетно. Всюду, куда бы она ни явилась, хозяйка, взглянув многозначительно на ее специально сшитое платье, говорила:

— К сожалению, с младенцем принять не можем.

Однажды в субботу, исколесив полгорода в безуспешных поисках, Лорни и Джим заехали в домик на Литтл-Уильсон-стрит. Молли, взглянув украдкой на Лорни, увидела отчаяние на ее лице. Повзрослевшим и каким-то усталым выглядел и ее зять. Боже мой, ведь они еще так молоды! И уже почувствовали, что жизнь не патока! Бедные дети!

Билл поглядел на молодых и откашлялся.

— Тут, знаете, продается несколько домов. Я смотрел. Неплохие. У нас с Молли есть кое-какие сбережения. Что если мы купим себе домик, а этот оставим вам?

Джим увидел, как лицо Лорни словно окаменело. Но решил не обращать на это внимания. Ребенок вот-вот должен родиться. Лорни не может больше ходить в поисках жилья, а его самолюбие требовало, чтобы они ушли от его родителей еще до рождения ребенка.

— Мы были бы вам очень благодарны,— сказал Джим.

Направляясь домой в машине своего отца, Джим неплохо справился с интенсивным уличным движением на Оксфорд-стрит, пересек город, миновал кривой туннель, переехав через огромный мост в порту и свернул на северную сторону бухты. Он ждал взрыва упреков от Лорни. И ее наконец прорвало. Не в силах больше сдерживать рыдания, она начала:

— Ты ведь знаешь, как я ненавидела этот дом! Я просто не могу его выносить, Джим. Годами я ходила по этой отвратительной, грязной дороге, я клятвенно обещала самой себе во что бы то ни стало вырваться оттуда и никогда больше не возвращаться. Как же можешь ты даже подумать о том, чтобы вернуть меня обратно! Это жестоко и бесчеловечно.

— Это вполне человечно,— возразил Джим, крепче сжимая руль и глядя перед собой на дорогу.— Это человечно потому, что я уже почти отец и я хочу, чтобы у моего ребенка было жильё!

— Хорошенькое жильё! — яростно воскликнула Лорни.— Ребенок возненавидит этот дом так же сильно, как я. А что будет со мной? Ты хоть немножко думаешь обо мне?

— Все время я думаю только о тебе. И утром, когда оставляю тебя дома, такую теплую и еще спящую. И весь день на работе мысленно возвращаюсь к тебе, спрашиваю себя, все ли у тебя там в порядке. И когда еду с работы, мечтаю поскорее снова тебя увидеть. Я счастлив, что ты моя жена. Можешь ли ты это понять?

— Да, но в таком случае ты должен хотеть, чтобы мне было еще лучше!

— Конечно, дорогая. Но я могу сделать только то, что мне под силу. И устроить тебя в доме, за который смогу заплатить.

Я не хочу, чтобы ты и ребенок жили в какой-нибудь трущобе или снимали чужие комнаты. Я не хочу даже, чтобы ты жила вместе с моими родителями. Я хочу, чтобы у нас было что-то свое.

— Хороши же твои родители! Вышвырнули нас, как каких-нибудь бездомных из ночлежки, когда вот-вот должен родиться ребенок!

Она всхлипнула последний раз и перестала плакать, но дома они спорить не могли, обо всем окончательно надо было договориться здесь, по дороге, в машине.

— Мне кажется, ты не права,— сказал Джим, и в голосе его прозвучала нежность.— И мои и твои родители проявили к нам много доброты. Мои — потому, что терпели нас все эти месяцы. Твои — потому, что решили отдать нам свой домик, а самим переехать в довольно дорогой дом, который, по сути, им совершенно не нужен. Пойми же, дорогая, все это не так уж плохо! И на работу мне ездить будет намного ближе. Я сумею сэкономить на этом около двух часов в день.

Ей хотелось съязвить, сказать, что он все-таки в первую очередь думает о себе. Но она сдержалась. Все эти месяцы он мотался на работу в автобусах и ни разу не пожаловался, сам готовил по утрам себе завтрак и еще даже успевал покормить ее. И не забывал поцеловать, когда уходил по утрам.

Она замолчала и стала думать о матери Джима. Миссис Бенсон сама управлялась со всем. На ней лежали все домашние дела, она к тому же выполняла всю работу, которую Лорни охотно переложила на нее. Но теперь уже было поздно начинать помогать ей. Если бы даже они остались жить вместе, ничего не изменилось бы и с рождением ребенка, только бабушке Бенсон пришлось бы еще ухаживать и за малюткой. На мгновение взглянув на себя как бы со стороны, с какой-то болезненной честностью, Лорни поняла, что она поручила бы миссис Бенсон и роль няньки, а постепенно и все прочие неприятные обязанности по дому.

— Я согласна, что нам с тобой нужно жить самостоятельно,— сказала она вдруг решительно.— Но я хоть из-под земли, да найду нам квартиру до переезда мамы и Билла на новое место.

Джим повернул машину на широкую часть дороги и остановился у самого берега, где набегавший прибой с шумом ударялся о камни и растекался белой бахромой по песку. Вечерело. Обливая позолотой море и небо, медленно садилось солнце. В окнах домов отражались его лучи.

— Здесь я жил раньше,— сказал Джим,— здесь купался, плавал, ловил рыбу. И дышал соленым морским воздухом. Я не прочь отказаться от всего этого, Лорни, если ты хочешь. Иногда

да мы будем приезжать сюда купаться, навещать мать и отца. А в один прекрасный день, может быть, и нам подвернется удача, и мы сами поселимся здесь.

Он обнял ее. Она покачала головой и ничего не ответила.

— И вот еще что,— сказал Джим.— Ты больше не будешь носиться по городу в поисках квартиры. Наш ребенок должен родиться в больнице, а не в автобусе или посреди улицы.

Через две недели Лорни и Джим переехали в дом на Литтл-Уильсон-стрит. Соседи вышли встретить их и помочь внести детскую кроватку, торжественно возвышавшуюся в кузове грузового такси. Женщины приветствовали молодую пару со слезами умиления на глазах, от всей полноты чувств, навеянных джином. Лорни тоже заплакала горькими слезами, но это были слезы обиды и разочарования.

Старушка из соседнего дома с лилово-красными волосами, которые хорошо помнила Лорни, с морщинистым лицом, расплывшимся в улыбке, сказала:

— Как приятно, что вы вернулись обратно, дорогая, и будете жить самостоятельно.

Джим улыбнулся ей и поспешил плотно закрыть за собой дверь.

Молли и Билл поступили благоразумно, предоставив молодым переезжать самим. Они не стали напоминать, что четыре комнаты в доме все еще принадлежат другим людям. Билл напоследок вытащил огромный черный буфет, купленный им в незапамятные времена у хозяина дома, и продал какому-то перекупщику за гроши. На том месте, где стоял буфет, обнажилось довольно широкое пространство, покрытое обоями со следами сырости, и разбитый камин. Комната стала казаться больше. Джим сказал, что и такое случается.

К удивлению Лорни, она приспособилась к дому намного легче, чем Джим. Лестница наверх, на второй этаж, где находилась спальня, была крутая и удивительно узкая, но до боли знакомая ей. А Джим на каждом шагу оступался и два раза чуть было не упал. Он то и дело ударялся головой о дверной косяк, ворочался в кровати, если под окнами кричали или громко смеялись, застывал в изумлении, когда в щель входной двери почтальон бросал письма, спотыкался на полу, покрытом линолеумом.

Зато он притащил краски и перекрасил в бледно-желтый цвет стену в том месте, где раньше стоял черный буфет, нашел где-то у перекупщиков каминную решетку и починил камин, взял деньги в банке и привез сверкающую колонку для ванны, устроил новый душ и обновил стены в полуразвалившейся ванной.

Джим возился с ремонтом, а его жена выносила из дома стул и, поставив его на дорожке, по примеру других обитателей района, усаживалась, чтобы в знойные, душные вечера подышать свежим воздухом.

Теперь Лорни распаковала все свадебные подарки, которыми не смогла пользоваться, живя в доме свекрови. Она постелила подаренные ей новые простыни на кровать матери, свою бывшую комнату превратила в детскую и там часто с нежностью поглаживала руками стопки пеленок, ожидавших новорожденного.

У их рыжеволосой соседки была ручная птица, которую она учила говорить. Каждый день соседка усаживалась в своем дворе и повторяла бесчисленное множество раз:

— Дженни — прелесть. Дженни — прелесть.

Но иногда она прерывала урок и кричала Лорни через забор:

— Как вы себя чувствуете, дорогая? Не слышу. Что вы сказали?

Иногда заглядывала хозяйка дома. Постучав в дверь, она спрашивала:

— У вас все в порядке, милая? Я вот проходила мимо и решила зайти. Может быть, вам что-нибудь нужно?

Как-то вечером женщина, жившая на другой стороне улицы, встав за оградой на какой-то ящик, окликнула Лорни:

— Как дела? У вас еще никто не родился?

Однажды в знойный летний день Лорни показывала в детской своей матери распашонки и кофточки, которые она сама связала, пинетки с напиханной в них тонкой папиросной бумагой и другие маленькие милые вещицы, подаренные матерью Джима.

Молли накрывала старой простыней детскую кроватку, оберегая ее от пыли, и увидела, как Лорни опрокинулась на кровать, закрыла лицо руками и заплакала.

— Дорогая! Что с тобой? Уже началось?

— Нет, мама! Еще целая неделя!

Луч солнца проникал через маленькое окошко, пылинки роем кружились в луче, как всегда это бывало на Литтл-Уильсон-стрит. Солнце освещало взерошенные волосы Лорни. Несмотря на большую живот, над которым склонилась ее голова, несмотря на обручальное кольцо, Лорни казалась девочкой. Молли неуклюже обняла ее. Она увидела на стене трещину, из которой высовывались куски штукатурки. Кровать скрипнула под тяжестью тела дочери.

— Это все из-за этого дома,— плача, говорила Лорни.— Я решила иметь ребенка, чтобы вырваться отсюда. А он, еще не родившись, вернул меня обратно.

— Почему ты говоришь «он»? Может быть, будет девочка.

— Да разве в этом дело — мальчик или девочка. Все равно, ребенок будет жить в трущобе. В этом ужасном домишке, который толком и вымыть-то нельзя. Ребенок, возвращаясь из школы домой, будет, как я, бояться привести к себе друзей, потому что они увидят бездомных кошек, что питаются отбросами из мусорных ведер на этих улицах, узеньких, как тропинки... И вот теперь Джим и я, мы живем здесь, и все начинается сначала... Какой-то заколдованный круг!

— Ну, что же, доченька,— сказала Молли,— мы тоже так начинали. Надо жить, надо бороться. Вставай-ка, пойдём на кухню, я вскипачу по чашечке чая. И сейчас же перестань плакать, тебе это вредно!

ПЕННИ ВАЙЗ

— (Penny Wise, Pound Foolish)¹ — Ну и имя же тебе выбрали! — сказал ей муж.

— Когда мать дала мне имя Пенни, дополнением к нему была фамилия Сандерсон,— ответила Пенни дружелюбно, продолжая завтракать,— фамилия же Вайз пришла ко мне вместе с тобой — как упаковка или обертка.

В уголках ее рта мелькнула лукавая улыбка. Она ждала реплики на свой, как ей показалось, остроумный ответ, но муж лишь вздохнул, взял завернутые в бумагу бутерброды, лежавшие рядом с тарелкой, осторожно положил их в портфель между бумагами и встал.

— Ладно, Пенни, мне уже давно пора уходить. Теперь до автобуса придется бежать бегом.

Их прощальный поцелуй был скорее данью семейной традиции, чем чувствам; его губы слегка прикоснулись к ее щеке, и он подумал: почему на протяжении двадцати лет Пенни так и не научилась одеваться до завтрака? С годами ее халаты появлялись и исчезали, меняли фасоны и цвет. Муж или дети старались избавить ее от них, выбрасывали старые, покупали новые. Но казалось, она никогда не вылезала из халата.

Пенни вышла на балкон посмотреть, как уходил ее муж. Он сошел по ступенькам, прошел мимо щенка, выбежавшего ему навстречу, потом через сад с одинокими чахлыми деревьями, мимо пустого, разломанного мусорного бачка. Она видела, как

¹ — Penny Wise, Pound Foolish — Благоразумия на пенс, глупостей на фунт.

он заколебался на минуту у ворот, видимо, прикидывая, есть ли у него время внести этот бачок в дом, но потом распрямылся, махнул ей рукой и убежал.

Они жили одни.

Их сын Джеф, когда ему исполнилось девятнадцать, уехал работать в Паддингтон и жил там в каком-то ветхом домишке. Дочь Джоан училась на курсах медсестер и жила при больнице на другом конце города.

В конце недели они приезжали к родителям. Пенни видела, что они выглядят счастливыми, и это было для нее самым главным. Но все же квартира теперь казалась пустой и заброшенной, не хватало шума и смеха, детских вещей, которые так согревали жизнь.

Она облокотилась на перила балкона, ей не хотелось возвращаться в дом и снова видеть грязную посуду, небубренные кровати.

Позади длинного ряда домов на противоположной стороне улицы начиналась бухта. Между покатыми крышами и высокими трубами под лучами утреннего солнца поблескивала вода; от легкого ветерка, обвевавшего лицо, пахло солью. Паром двигался через виднеющийся участок воды. Пенни следила за ним до тех пор, пока он не скрылся из виду; позади парома широким веером расходились волны.

Пенни с интересом наблюдала за движением на улице. Ей показалось, что сегодня что-то уж чересчур много людей. Щенок беспрепятственно лаял, а Пенни все смотрела на прохожих, забыв, что стоит в своем выцветшем голубом халате. Женщины шли по тротуару группами—по две, по три. На них были шляпы, перчатки, в руках красивые сумки, на некоторых были даже меха. Мужчины с озабоченным видом деловито обгоняли их. По узкой улице без конца сновали машины и останавливались всюду, где было можно, у обочины тротуара.

Машин становилось все больше и больше. Они сгрудились в кучу. Владельцы старались ухитриться приткнуть их где-нибудь на стоянку. Люди шли теперь сплошным потоком, целая вереница автомашин возвращалась обратно после безуспешных поисков стоянок, создавая пробку на улице.

— Что там происходит? — спросила Пенни у женщины, жившей рядом, когда та сходила со ступенек своего дома, натягивая розовые перчатки, подобранные в тон к ее шляпе.

— Аукцион. А вы разве не знаете? Распродается имущество из того старого каменного дома, что возле пристани. Там шестьдесят лет жила какая-то богатая семья. Я вчера там была и кое-что видела. Есть много антикварных вещей, но большая часть имущества будет продана по дешевке; картины,

книги, фарфор. И еще старинная мебель. А почему бы и вам не пойти?

Действительно, почему? Видимо, все эти люди шли сейчас туда. Соседи со всей улицы уже выходили из домов, даже женщины с маленькими детьми и те спешили на аукцион.

— Пойдемте, миссис Вайз, и посмотрим,— сказала соседка.— Вас ведь никто не заставит покупать ненужные вам вещи.

Пенни не стала отказываться. Почему не посмотреть, там может попасться что-нибудь и интересное, а цену ведь можно дать какую захочешь. На то он и аукцион.

Обмен «любезностями» с Биллом за завтраком произошел как раз из-за покупки. Пару дней тому назад Пенни из денег, предназначенных на хозяйство, приобрела гравюру. Она заплатила за нее всего четыре доллара, потому что гравюра была без рамки. Но Билл сказал раздраженно, что такое транжирство никому не нужно: четыре доллара — это не пустяк, и вообще ей не следовало бы сорить деньгами.

Пенни видела там, где покупала гравюру, и дорогие картины конца прошлого века, но они действительно были ей не по карману. И этот дом в конце улицы, наверное, полон ими. Но там-то они наверняка будут продаваться по дешевке.

Она поспешила в комнату, убрала продукты в холодильник, грязную посуду сложила в мойку, быстро оделась, оправдывая себя тем, что, если заняться сейчас уборкой, аукцион может закончиться.

Купленная ею гравюра так и лежала на телевизоре со вчерашнего вечера, когда она показывала ее Биллу. Пенни она казалась очень красивой. Она считала, что теплые тона гравюры оживят их слишком уж скромную комнату. Гравюра была большая и заняла бы значительную часть стены.

Она пошарила глазами сантиметр, но искать уже не было времени.

«Шестьдесят на семьдесят пять»,— подумала она, раздвинув руки на эту длину, чтобы еще раз закрепить в памяти размеры гравюры, и вышла из дому, беззаботно захлопнув за собой дверь.

Щенок, чем-то похожий по темпераменту на свою хозяйку, радостно вилял хвостом до тех пор, пока она не скрылась из виду. Пенни вошла в толпу и вместе с ней двинулась вниз по улице. Ее каштановые волосы растрепались от ветра, сочные оранжевые тона свитера отвлекали внимание от спортивных брюк, уже несколько потерявших форму. На ноги она надела туфли без каблуков — ведь, наверное, пройдет немало времени, пока выставят на продажу рамы для картин, а уж если придет-

ся ждать, она будет чувствовать себя намного спокойнее и удобнее, чем все эти женщины на высоких каблуках.

Ей было приятно идти по солнечной стороне улицы; она даже подняла лицо вверх к солнцу. Кожа у нее была гладкая, без морщин. Иногда, в минуты нежности, Билл прикасался к ее лицу, удивляясь, насколько оно было молодым. Но чаще всего он просто обижался: ведь несколько морщин на ее лице могли бы свидетельствовать о том, что Пенни чем-то озабочена или встревожена. И его сердило, что она никогда ни о чем не тревожилась.

Пенни и сама не знала, откуда у нее такая жизнерадостность. Может быть, от матери. Даже в самые мрачные дни депрессии мать вселяла в детей уверенность, что скоро все изменится к лучшему,— правда, ей ничего другого не оставалось делать.

Может быть, в детстве Пенни слишком увлекалась Диккенсом и осталась до сих пор верной философии мистера Макобера, считавшего, что все образуется. В детские годы ее больше занимали книги, служившие ей и развлечением и помогавшие отдаляться от действительности. А может, все это шло от дедушки или бабушки? Но, как бы то ни было, она ничего не могла с собой поделать. К детям своим она относилась с любовью и терпимостью, в трудные моменты нередко выпадавшие на ее долю, старалась не терять оптимизма.

Но замечание Билла о расточительности все-таки ее задело. Входя в ворота дома с красным флажком, извещавшим об аукционе, она поклялась, что ничем, кроме рамки для гравюры, не соблазнится.

В комнатах дома было полно народа, в холле стояла толпа, в гостиную, где были собраны лучшие вещи, вообще было не пробиться. Пенни все же кое-как протиснулась туда, чтобы хоть взглянуть. Посредине комнаты стоял рояль, стены были увешаны громадными портретами в тяжелых золоченых рамах. Везде, где только можно было, расставлено серебро, фарфор и хрусталь. С украшенного фресками потолка свисали тяжелые люстры. Нет, эта комната была явно не для нее.

Откуда-то снизу раздавался голос аукциониста. Проглатывая окончания фраз, он объявлял умеренные цены. Пенни поспешила вниз по лестнице.

Молодой, приятного вида аукционист был большим мастером своего дела. Покупатели, соглашавшиеся с объявленной ценой, кивали головой или поднимали вверх палец, а когда торг вещи заканчивался, они сообщали находившемуся поблизости помощнику свои инициалы.

— Продано, продано! Тридцать долларов!

— Д. А.

Помощник аукциониста быстро записывал и отдавал листок девушке-машинистке, которая на кухне составляла длинный список проданных вещей.

Сейчас здесь продавались старые циновки, два кухонных коврика из морской травы, большой ковер, на котором стояли покупатели. Расцветки ковра не было видно под ногами, но Пенни показалось, что ковер был неплохой. Аукционист назвал начальную цену ковра в пять долларов, потом постепенно снизил ее до двух, но покупателей почему-то так и не находилось. Пенни вдруг, сама не зная почему, подняла руку.

— Один доллар,— сказала она.

— Один доллар! Кто больше? Продано, продано! Один доллар! Ваше имя?

— П. В.

Потом, пока довольно хорошие вещи распродавались по дешевке, а несколько старинных вещей, вызвавших оживленные торги, пошли по удивительно высокой цене, Пенни стояла тихо, почти не шевелясь. Она никак не могла понять, почему, приобретая вещи, люди называют лишь свои инициалы. Иногда они и этого не делали вслух, аукционист сам за них говорил их инициалы.

Аукционист вместе со своим столом передвинулся в задние комнаты дома, с улицы еще добавилось народа. Теперь люди толпились на террасе и на ярко-зеленой лужайке, спускавшейся прямо к воде.

Несколько пожилых женщин сидели на скамейке, греясь на весеннем солнце. Аукционист приступил к продаже этой скамейки, хотя на ней продолжали сидеть люди.

— Сорок долларов! — объявил он.

Покупатели сделали недоумевающие лица. Почему эта садовая скамейка, хоть она и сделана из чугуна, продается так дорого: ведь она же старая?

— Леди и джентльмены,— закричал аукционист.— Не раздумывайте и не волнуйтесь. Цена совсем не дорогая. Разделите сумму в долларах пополам, и вы получите цену в фунтах!

Несколько месяцев тому назад австралийские фунты были заменены на доллары, и старики, дети да и сама Пенни все еще никак не могли привыкнуть к новым деньгам. Они ее сбивали с толку. Но даже если и двадцать фунтов? За такую-то скамейку! Пенни была рада, что и не помышляет о скамейке и не думает о том, что можно ее немножко подкрасить, тогда в садике возле дома она могла бы и пригодиться.

Теперь все направились наверх. В первой комнате Пенни все быстро осмотрела: здесь было несколько довольно мрачных гра-

вюр, по размеру приблизительно таких же, как купленная ею, ковры, мебель.

— Ковер квадратный,— начал аукционист.— Пять долларов! Четыре! Предлагайте свою цену.

— Один! — сказала Пенни только для того, чтобы продолжить торг.

— Продано, продано за один доллар! Ваши инициалы? Ах, да, П. В.

Вздвигнув, Пенни невольно попятилась к двери. Она поняла, что опять попала впросак.

Спальный гарнитур был продан за двадцать долларов. Ох, до чего же он был хорош! Потом пожилой бизнесмен, живший на одной улице с Пенни, начал перебивать цену и в конце концов обошел других конкурентов, зарившихся на то, чего она никак не смогла бы пристроить у себя дома,— таз, кувшин и такого же цвета ночной горшок.

— Из королевского гарнитура, моя дорогая,— с благоговением прошептала женщина, стоявшая рядом.

Внимание Пенни переключилось на публику. Поблизости она увидела миссис Маккей и еще нескольких своих соседок, пришедших, как ей показалось, лишь ради развлечения.

Она на минуту задумалась, потом вдруг обнаружила, что почти все гравюры, за исключением одной, уже проданы. Теперь очередь дошла и до этой последней. Она показалась ей неинтересной, но рамка от нее могла бы ей подойти, если она немножко подрежет свою гравюру.

— Один доллар! — сказала Пенни.

Никто больше не назвал своей цены. Гравюра досталась ей.

В следующей комнате она увидела пустую раму, которая больше соответствовала нужным ей размерам, хотя теперь она уже в этом не была уверена.

Аукционист собрал в одну кучу эту раму, еще две гравюры да зеркало в оправе из кедра и стал продавать все вместе. Оставались непроданными еще вещи в передних комнатах дома, но Пенни подумала, что цены там будут, конечно, высокими, поэтому она снова предложила один доллар. На этот раз, однако, у нее появились конкуренты.

— Два доллара! — вдруг сказал ее сосед.

— Три доллара! — сказал какой-то пожилой мужчина.

Аукционист посмотрел на Пенни.

— Это не в вашу пользу, П. В.!

— Четыре! — сказала Пенни и вдруг болезненно почувствовала, что уже истратила три доллара на вещи, которые ей, в сущности, и не нужны. А ведь она надеялась на полезную покупку!

И она сделала эту покупку. У стены стоял грязный пылесос. Он был такой старый, что в нем не было даже переключателя. Но, как известно, на каждую вещь найдется покупатель. Пенни снова втянулась в торг. Правда, она предложила самую мини-мальную сумму, но, так как других претендентов не оказалось, этот пылесос прибавился к ее остальным покупкам.

Комната, непосредственно примыкавшая к гостиной, была полна книг. Пенни увидела полное собрание сочинений Диккенса. Только в детстве у нее были книги Диккенса, и она потом просто мечтала о них. Особенно она почувствовала их притягательную силу, когда начались торги, но взяла себя в руки и не поддавалась соблазну. Книги были проданы за тринадцать долларов. Аукционист как-то странно поглядывал на нее.

— Мадам, пожалуйста, не смотрите на меня таким взглядом, я очень нервничаю,— сказал он.

Пенни почувствовала себя, как придушенный кролик. Она просто не осмелилась пойти в последнюю комнату. В таком состоянии она могла бы купить сейчас и люстру.

У клерка, стоявшего возле двери, она спросила, когда можно взять купленные вещи. Он сказал, что за ними можно приехать в три часа, но деньги нужно заплатить сейчас.

Она заспешила домой, наскоро выпила чашку чая и принялась за уборку, чувствуя себя кругом виноватой. Она истратила восемь долларов, или четыре фунта, сверх того, что уже заплатила за сумку гравюру! Она почти отчетливо слышала, как Билл говорит: «Ну вот, опять выбросила деньги на ветер».

В три часа она снова вернулась в тот дом, теперь уже совсем опустевший. Только несколько человек увозили купленные вещи. Из дома она захватила сумку на колесиках, с которой обычно ходила за продуктами. Но ей пришлось три раза проделать путь туда и обратно, чтобы перевезти вещи. Когда она пришла в последний раз за пылесосом, в огромный грузовик грузили мебель из дальних комнат.

Миссис Маккей тоже была здесь, в руках она держала вазу и набор черных слонов.

— Не забудьте о различных приспособлениях для вашего пылесоса — трубках, щетках и прочем, миссис Вайз. Вы их уже нашли?

Пенни о них даже и не подумала. Вместе с миссис Маккей она начала поиски по всему дому, усеянному окурками сигарет и обрывками бумаги. Они пошарили в чулане, где хранились веники и щетки, заглянули в кладовую и даже в ванную комнату. Наконец миссис Маккей нашла недостающие принадлежности в каком-то сундуке, все еще стоявшем в одной из

комнат на верхнем этаже. Пенни погрузила все это в свою сумку на колесиках, а сверху прикрепила пылесос — так, чтобы он сохранял равновесие. Потом отправилась домой, волоча за собой нагруженную сумку.

Дома у нее все выглядело так, будто здесь открывался еще один аукцион. Ковры и циновки, еще свернутые в трубочки, валялись на полу посередине комнаты, гравюры в рамках были пристроены к стульям, зеркало прислонено к стене.

Она села на пол и начала старательно исправлять вилку у пылесоса. Может быть, в конце концов из него что-нибудь и получится.

Она решила включить пылесос: он заработал, мотор загудел, машина, как какое-то ненасытное чудовище, начала заглатывать пыль. Она развернула ковры, их внешний вид привел ее в уныние, но вот эти две циновки хорошо лягут на пол, покрытый линолеумом в бывшей комнате Джефа. Они даже и по цвету подходят.

Циновки из морской травы были целыми, но в каком ужасном состоянии! Она вытащила их на лестницу, ведущую во двор, почистила, а потом расстелила в пристройке, где стирала белье. А квадратный ковер оказался даже хуже всех других. Она снова свернула его, привязала к сумке на колесиках, столкнула вниз с лестницы и спрятала в сарае.

Теперь она принялась за рамки. Самая большая почти точно соответствовала размерам ее гравюры. Ее следовало лишь чуть-чуть подрезать. Она схватила ножницы и принялась за работу.

Она облегченно вздохнула, когда наконец гравюра была водворена на стену. Да, конечно, Пенни была права, вся комната стала казаться уютнее и теплее.

Уже почти падая от усталости, она перенесла остальные рамы в комнату Джефа и сложила их на шкафу. Потом она куда-нибудь их пристроит. Зеркало она зачихнула за туалетный столик, но, прежде чем совсем запрятать его, так, чтоб его не было видно, она мельком взглянула на себя.

Лицо, сплошь покрытое пылью, оранжевый свитер весь черный, всклокоченные волосы, будто она только что спасалась от шторма.

Она снова кинулась в гостиную и снова включила пылесос, вытерла мебель, покрывшуюся пылью как серой вуалью. И наконец пошла в ванную.

В это время она услышала шаги Билла, поднимавшегося по лестнице. Она еще успела бы дойти до спальни и переодеться, но у нее уже не было сил. Так она и осталась у двери, поджидая его в своем стареньком голубом халате с розовым полотен-

цем на голове. Он ведь, наверное, подумает, что она так за целый день и не переодевалась.

Вот опять все получилось не так, как хотелось. Ужасные последствия ее глупого поведения на аукционе. Даже такая мелочь, как попытка сделать что-то красивое, провалилась потому, что она всегда и за все бралась со слишком большими надеждами.

Она отвернулась и стала смотреть на гравюру, чтобы Билл не увидел выражения ее лица.

Он вошел в комнату и положил портфель.

— Ну, как ты провела сегодня день, дорогая?

— Ах, Билл,— сказала она грустно.— Тут вот был аукцион, я пошла, чтобы купить рамку, но опять увлеклась и накупила ненужных вещей...

Полотенце на ее голове разматалось, сползло на плечи, весь вид ее выражал неподдельную печаль.

Билл подошел к ней, обнял ее за плечи.

— Ну что мне с тобой делать, Пенни? — сказал он участливо.— Разве не прав я был утром, когда говорил: Penny Wise, Pound Foolish?!

УЧИТЕЛЬ

— Сегодня все ребята принесли учителю подарки,— сказал Берnard.

Он стоял, прислонившись к кухонной двери, ковыряя носком ботинка прорванный линолеум. Подстриженные волосы начесаны на лоб в тщетной попытке походить на «битлов», серьезные глаза, как у маленького совенка, блестят через стекла очков в роговой оправе.

— Правда? Это очень приятно.

— Мам, ты опять не понимаешь. Я сказал, что все ребята принесли подарки, все, кроме меня!

Джейн накрыла кастрюлю крышкой и пошла с ней к плите. Она зажгла газ, положила два куска мяса на решетку и поставила ее на огонь. Потом обернулась к сыну и улыбнулась.

— А что они ему дарили, Берни?

— Довольно солидные вещи, по крайней мере некоторые. Ну, например, подарок Питера Холлидея стоил около фунта. А Террит, знаешь, это мальчик из магазина,— он преподнес целый блок сигарет.

— И все делали такие подарки?

Бернард никак не мог понять, к чему клонит мать: то ли она не одобряет этого из-за расходов, которые ей не по карману, то ли не хочет согласиться из-за своих «принципов».

— Нет, были и подешевле. Но все-таки подарили все.

Ну, теперь уже, кажется, он сказал все яснее ясного. Неважно, каким был подарок или сколько он стоил, важно, что все явились в этот день в школу с подарками и торжественно вручили их учителю. Все, кроме Бернарда. Ни он, ни его мать об этом даже не подумали.

— Ты ведь знаешь, что это самый лучший учитель, которого я когда-либо знал! — в отчаянии выкрикнул мальчик, слезы наполнили его большие карие глаза, скрытые под очками. — Я люблю его, вот и все. А ты все забыла!

— Я знаю, что ты его любишь. Я его тоже люблю, потому что он тебе очень помог и тебе было хорошо в школе. Но я действительно просто не подумала о подарке. А ты бы мог мне напомнить.

— Уже скоро каникулы, на следующей неделе занятия в школе кончатся, и я его больше никогда не увижу. И у него ничего не останется обо мне на память — ни единой маленькой вещицы. Ни даже открытки!

— Ты можешь и теперь послать ему открытку.

— Я не хочу открытку! — Теперь Берни уже плакал по-настоящему. Рыдания сотрясали его тело.

Джейн притянула сына к себе, прижала его голову к своей груди, удивляясь тому, какой он стал большой. Только на несколько сантиметров ниже ее плеча.

— Но он ведь будет в школе еще целую неделю, сынок? Давай пойдем завтра на рынок — мне все равно идти за продуктами — и посмотрим, что там можно будет купить. Ты должен подобрать что-нибудь очень красивое, но доступное по цене.

Они еще поговорили немного о том, сколько смогут истратить. Потом Берни съел все, что она ему приготовила, лишь изредка всхлипывая и вздыхая, и устроился со счастливым видом у телевизора.

— А разве у тебя нет домашних заданий? — спросила Джейн. — Мистеру Лоусону больше всех подарков на свете понравилось бы твое прилежание.

— Да ведь уже скоро каникулы! — сказал Берни беспечно. — И в этом году больше не будет никаких заданий... Знаешь, мам, я хочу купить ему какой-нибудь потрясающий подарок, такой, который ему очень понравится и будет напоминать обо мне в этой противной новой школе.

— Хорошо. Раз уж ты задумался о подарке, не забудь и о цене: около пяти шиллингов, дорогой. Больше этого я позволить себе не могу.

— Шесть, мам. Ведь шесть шиллингов не так уж много, а на пять и вовсе ничего не купишь!

— Ну, хорошо, шесть. Мы пойдем в комиссионку и выберем что-нибудь действительно красивое.

Она знала, что Берни будет снова и снова тратить в уме эти деньги, представляя себе, как он рьяно торгуется с каким-нибудь глупым торговцем, продающим по невежеству истинно антикварную серебряную зажигалку или же настоящую золотую чашку, которую почему-то принимает за медную. Эта мысль так и будет витать между ним и экраном телевизора, пока он будет смотреть передачу, или же станет между ним и сном, когда он уляжется на свою узенькую кровать.

Берни всегда был мечтательным мальчиком. Иногда Джейн с чувством вины думала, что Берни мог бы быть совсем другим, выйди она вторично замуж. Ребенку нужен отец. Вот отец Берни, Дэвид Рот, был совсем другим. Он тоже был крупный, сильный и мускулистый, любил спорт, был человеком большой души, ценил шутку и обычно так тщательно обдумывал предстоящий уикэнд, будто готовился к военной операции.

Все лето они с Джейн купались в море, устраивали пикники на берегу, он посмеивался над ее неуклюжестью, когда она, уже беременная, барахталась в прибрежных волнах; а потом, когда родился Берни, он возил его коляску по песку у моря, учил Джейн ловить рыбу. Он ведь был членом клуба ловцов жемчуга. И в первое же лето их малыш так загорел и окреп, что стал похож на грецкий орешек.

Однажды вечером Дэвид вместе со своим сослуживцем Джоном уехал на рыбалку. Они часто ездили вместе, а утром возвращались домой насквозь промокшие, с полной корзиной серебряной рыбы, рассказывая, что еще одна полная корзина попала где-то в море, когда они боролись с волнами у рифов.

В тот день погода выдалась плохая, море бурлило, и лишь немногие отваживались на рискованное путешествие. Но Дэвид и Джон все же решились. Они наслаждались борьбой со стихией, грохотом и ревом волн, ветром, срывающим с них одежду, каскадом брызг от волн, разбивавшихся о скалы. Луна закрылась облаками, стремительно гонимыми ветром, но временами через просветы в облаках еще освещала белое пенящееся море, которое вдруг мгновенно становилось черным и от этого жутким и прекрасным.

Джон прижался поближе к скале, чтобы зажечь сигарету. Он закрылся плащом, все внимание его сосредоточилось на спичке,

которая никак не загоралась в сложенных вместе ладонях. Он слышал, как волна с грохотом разбилась о скалу, и страшный крик Дэвида. Джон мгновенно обернулся. Скала была пуста, только брызги воды все еще летели на нее, как дождь, и, скатываясь, превращались в пену, похожую на снег.

Дэвида нигде не было. Вокруг грохотали волны, отливавшие бутылочно-зеленым цветом в блеске луны.

На рассвете Джон, шатаясь от усталости и еле волоча ноги, подошел к маленькому домику своего друга. По аккуратно подметенной дорожке прошел в дом и рассказал Джейн о гибели мужа. Спасательная служба полиции уже нашла его труп.

Дэвид не был застрахован. Он любил жизнь и никогда не думал о смерти. Сердце Джейн лишний раз лишь болезненно сжалось, когда ей объявили о мизерной вдовой пенсии. Она собралась в комок и снова впряглась в работу стенографистки. Пришлось оставить и маленький домик, где они жили всей семьей так счастливо,— она не могла уже за него платить,— и поселиться с сыном поближе к городу в одной комнатке с крохотной кухней. Теперь каждое утро она приносила сына в ясли и каждый вечер после работы долго везла его домой, чтобы напоить чаем и уложить спать. Сама она засыпала иногда даже раньше его.

В первый день, когда она оставила малыша в яслях, он все время кричал «мама», «мама», и этот крик преследовал ее, пока она бежала к автобусу. К концу первой недели он плакал, когда она за ним приходила, цепко хватался крепкими ручонками за руль трехколесного велосипеда, и ей приходилось силой отрывать его и уносить домой.

Когда они останавливались на углу у перехода через улицу, она покупала ему какую-нибудь игрушку, дешевую, пенсов за шесть. Удовольствие длилось около часа, потом игрушка разлеталась на мелкие кусочки. На следующий день она покупала новую. Она знала, что этого делать нельзя, и однажды, когда он отказался переходить улицу без новой игрушки, она поняла, что виновата в этом сама. Но что могла она дать мальчику взамен отца?

Когда ему исполнилось три года, она купила коробку пудры, чтобы он преподнес ей подарок на рождество. Он сказал, что пудра, конечно, хорошо, но он предпочел бы подарить ей цветное платье. На следующий год он вспомнил об этом и заранее сказал, какой хочет сделать ей подарок. Они вместе пошли в магазин распродажи, и он торжественно вручил продавщице свои шиллинги, а Джейн добавила фунты. Действительно, они купили очень яркое цветное платье, он сам донес его до дома, а потом просил, чтобы она почаще его надевала.

В тот год она никак не могла найти времени, чтобы пораньше освободиться с работы и показать ему деда-мороза. Но однажды в субботу они все-таки увидели деда-мороза, уже перед закрытием магазина.

Дед-мороз устал, ему было жарко, даже кондиционированный воздух в магазине не спасал его от жары из-за густой белой бороды и красной длинной шубы. Джейн подтолкнула к нему Берни, а сама осталась в сторонке ждать.

— Иди, мальчик, домой,— сказал дед-мороз.— Магазин закрывается.

Сердце у Джейн упало. Но Берни подбежал к ней, лицо его пылало от волнения.

— Мама, я сейчас видел деда-мороза, он ходит и говорит.

Когда мальчик — мечтатель, для него ничего не значат слова.

В тот же год Берни рассказал ей о привидениях. Она ужаснулась, не понимая, где он мог об этом услышать, не в силах поверить, что дети могут говорить о таких вещах в детском саду.

— Такого не бывает,— сказала она резко.— Кто это наговорил тебе глупостей? Тебе ничего не надо бояться, дорогой мой.

— Пойдем, я тебе покажу,— сказал Берни. Он повел ее во двор к общественной уборной, залез на сиденье и стал ждать. Дверь, как всегда, была открыта.

— Вон он! — Голос у Берни дрожал от страха.

Мимо прошел сторож, совершая свой ежевечерний обход складов на противоположной стороне тротуара. Уличные фонари освещали его лицо, когда он проходил мимо них.

Пяти лет Берни пошел в школу. В этот первый год занятий он очень страдал. Дети в первый год обычно только приспосабливаются к школе, а Берни после детского сада здесь было скучно. Школа была оборудована хуже детского сада, организованных игр было мало, к тому же Берни знал многое из того, чему только начинали учить здесь других детей. Он скучал, бесцельно глядел в окно, а иногда даже засыпал в часы, в которые привык спать на своей маленькой раскладушке в детском саду.

После школы оставалось еще два часа, которые нужно было как-то заполнить до прихода с работы матери.

Старшие дети, жившие с ним в одном доме, приводили его из школы, но потом бросали на произвол судьбы, потому что он был слишком мал для их компании и совместных игр.

В конце года он принес из школы отзыв, в котором говорилось: «Возможно, Бернард весьма способный мальчик, но очень мечтательный и с другими детьми не дружит».

Джейн пришла в ярость от такого заключения. Ведь речь шла о совсем еще маленьком ребенке. Она начала спрашивать Берни.

Он рассказал, что почти ежедневно у него в школе случались какие-нибудь неприятности. Он был довольно крупным мальчиком. Когда дети толкали его, он стоял на месте, как скала, а когда он кого-нибудь толкал, тот летел вверх тормашками. Вот тогда-то и появлялся учитель и наказывал Берни.

Джейн отпросилась с работы, пошла в школу и сердито потребовала, чтобы к ребенку относились более внимательно. Летом они переехали на другую квартиру, они поселились в отдельном домике, впервые после смерти Дэвида. Стоил он немногим больше того, чем она располагала, но она как-то выкручивалась. Джейн взяла отзыв, в котором Берни был назван «мечтателем», и отнесла его в новую школу. Ярлык мечтателя так и следовал за Берни из первого класса во второй, а потом и в третий. У Берни всегда были хорошие отметки, он считался в числе лучших в классе и казался довольным этим. У него появились друзья, иногда они заходили к нему домой, играли на полу в игрушки или смотрели телевизор до прихода с работы матери.

Но все же каждый раз учительница упорно повторяла, что Бернард может работать лучше: он слишком много мечтает в классе.

Когда подошла пора подведения итогов, Джейн снова на один день отпросилась с работы в конторе и пошла в школу. Там она увидела рисунки сына, вывешенные на стене: курчавых темнокожих людей в желтой лодке, тонущий в море корабль, цветные орнаменты. В них чувствовалась некоторая способность мальчика создавать композицию.

— Неужели так уж плохо, когда ребенок мечтает? — спросила она учительницу. — Почему же это не ставится в вину писателям и ученым?

— Ученые знают математику, миссис Рот. Но больше всего меня раздражает, что Бернард не использует всех своих возможностей.

Джейн пробормотала в ответ что-то вежливое и ради сына улыбнулась. Ведь он должен был учиться здесь еще целое полугодие.

Дома она старалась помогать ему с уроками, но убедилась, что он выполняет все эти задания в классе, потому что сразу схватывает и хорошо понимает новый материал; и пока учительница повторяет объяснение для отстающих, он успевает закончить домашнее задание.

У Джейн появилась союзница, опекавшая Берни. Это была миссис Камерон, владелица небольшого магазинчика возле школы, Берни иногда у нее завтракал.

— Мне кажется, что ваш сын станет гением, — говорила она Джейн. — У него такой взгляд, да еще эти очки. И у него, знае-

те ли, есть фантазия. Сразу видно, что он хороший мальчик, даже по тому, как он тратит деньги. Он тратит их расчетливо. И всегда у него все получается. Знаете, иногда он смотрит на меня с такой широкой улыбкой и старается как-то отделаться от бутербродов. Конечно, я никогда этого не разрешаю! Я слежу, чтобы все они хорошо, сытно позавтракали. Но некоторым из ребят это совсем не помогает. Они как будто совсем не растут...

Берни рос, если именно это имела в виду миссис Камерон, рос не по дням, а по часам. Когда ему исполнилось десять лет и он пошел в четвертый класс, ему уже нужны были ботинки тридцать восьмого размера и рубашки для двенадцатилетних. Джейн беспокоило, сумеет ли она справиться с уплатой за квартиру, когда придется покупать ему все новую одежду.

В тот самый год он и встретился со своим учителем.

После первого же дня занятий он с нетерпением ждал у дверей дома возвращения с работы матери, чтобы рассказать, что теперь у них учитель, а не учительница, что они называют его «сэр» и он просто великолепен.

«Сэр» вместе со всем классом гонял футбол, учил ребят плавать и устраивал спортивные состязания. Впервые у Берни появилось стремление быть лучшим в спортивных играх. Приходя домой, он с гордостью рассказывал, что уже сдал все нормы, и будет выступать за честь всего района, и потом его, вероятно, примут в футбольную команду. Он показывал ей свои домашние работы, выполненные порой кое-как, а иногда усердно, но всегда требовал, чтобы она поставила свою подпись, удостоверяя тем самым, что работа была сделана дома.

Учитель жил в конце их улицы, и Берни начал игру, будоражившую его нервы. Он выходил из дома в школу с таким расчетом, чтобы успеть ко времени, когда мистер Лоусон садился в свою машину. И тот вдруг замечал, что Берни «случайно» оказывался рядом.

В конце учебного семестра в родительский день Джейн решила поговорить с учителем. На этот раз ей не разрешили отлучиться с работы на весь день, поэтому она не могла прийти в школу к назначенному для родителей времени, а пришла утром. Но мистер Лоусон объяснил мальчикам, почему мама Бернарда пришла в школу утром, и сказал, что они должны устроить генеральную репетицию и показать ей всю программу, которую они подготовили для родителей.

Класс начал петь. Джейн, конечно, сидела рядом с сыном. И тут она услышала, что он поет на целый тон ниже остальных. Она не посмела засмеяться. Сын пел старательно, знал все слова баллады и от волнения немного ерзал на стуле. Джейн, вся

красная от смущения, подняла глаза на учителя. Но он с серьезным видом, без тени смущения дирижировал хором.

После выступления Джейн заговорила с ним.

— Как вы только можете удерживаться от смеха? — спросила она. — Я даже представить себе не могла, что Берни способен так фальшивить, я никогда не слышала его в хоре.

— Вначале это было трудно, — признался мистер Лоусон. — Но я никогда не останавливал его и не говорил ему, что он фальшивит. Зачем смущать мальчика? Ведь он в этом не виноват. Только однажды я поволновался, когда приезжал инспектор. Я попросил Берни не петь, а потом чувствовал себя довольно скверно. Лучше уж пусть бы он пел.

— Вам не кажется, что он мечтатель? — спросила Джейн с упавшим сердцем.

Она уже была готова к обычному ответу.

— Да, немного есть, — сказал мистер Лоусон. — Но не думаю, чтобы это имело какое-то значение. Учится он хорошо, у нас с ним теперь хорошие отношения.

— А были плохие?

Учитель засмеялся.

— Нет, я просто одно время хотел подчинить его общим правилам. И старался довольно долго. Но он не уступал, миссис Рот. Тогда я решил: раз уж я не могу совладать с ним, будет лучше, если мы подружимся. С тех пор все у нас в порядке.

— А как у него дела со спортом? — спросила Джейн. — Я не очень люблю спорт, ни плавание, ни рыбную ловлю. Иногда я даже думаю, не мешаю ли я этим Берни.

— Не волнуйтесь. — Учитель улыбнулся. — Вы ведь вдова, миссис Рот? Мне кажется, вы достаточно потрудились. Ваш сын немножко неуклюж, он слишком рослый для своих лет. Но в этом нет ничего плохого. Он здоровый, нормальный мальчик.

На рождественские каникулы Джейн купила Берни щенка. Теперь эта маленькая коричнево-белая веселая собачка вертелась все время у ног Берни. Мальчик и щенок бегали по всему дому взбудораженные и возбужденные. Джейн стала подумывать, что период мечтательности Берни уже проходит. Иногда щенок Пит провожал Берни до школы.

Берни любил своего щенка и был к нему сильно привязан. Он брал его на веселые и шумные прогулки в парк, после которых оба возвращались домой усталые до изнеможения, но довольные.

Как-то вечером, вернувшись домой, Джейн застала квартиру в полном хаосе. Берни, раздетый, лежал в кровати и навзрыд плакал. Щенок случайно упал с балкона и разбилсь насмерть.

— Почему все, кого я люблю, должны умирать? — сказал Берни.

Позже он никогда уже больше не говорил о щенке, так же, как никогда ни словом не упоминал о своем отце...

...Отзыв об учебе за год, который Берни принес из школы и о котором совсем забыл, потому что думал о подарке учителю, лежал на телевизоре. Джейн нашла его среди учебников и нетерпеливо разорвала конверт.

«В этом году Берnard учился хорошо. Возможно, он может учиться и лучше, но принуждать его к этому не нужно. Он исполнительный ученик, идет своим собственным путем и твердо знает, чего хочет».

— Спасибо,— прошептала она,— спасибо, сэр!

На следующий день на рынке они нашли оригинальный подарок. Это была керамическая кружка, на обложке красивыми буквами было написано: «Посвисти перед глотком». На одной стороне кружки, как раз напротив ручки, был приделан маленький носик, внутри которого вделан свисток. Берnard подул в носик, и свисток засвистел.

Стоила эта кружка семь шиллингов, но они поторговались и купили за шесть. Берни принес кружку домой, завернул ее в папиросную бумагу и, вложив карточку, на которой написал: «Моему учителю, самому лучшему»,— понес ее к дому мистера Лоусона.

— Мам, ему понравилась кружка! — кричал Берни через полчаса, ворвавшись домой.— Он назвал ее восхитительной. Даже лучше, что я не дал ему подарок вместе с другими, а вручил отдельно. Он поставил ее на камин и подул в свисток. А еще он сказал, что никому не разрешит из нее пить, только он сам!

Берни как-то сказал Джейн, что ему вовсе не хочется иметь другую собаку. Но когда они снова перед рождеством переехали на другую квартиру, плата за которую была меньше, у Джейн набралось немного денег, и она все-таки купила сыну коричнево-белого щенка. Берни был наверху блаженства. Вокруг дома был закрытый двор, щенок мог свободно бегать, а Берnard тщательно следил за тем, чтобы калитка оставалась плотно закрытой, когда он уходил в свою новую школу.

Отзыв о Бернаде, написанный мистером Лоусоном, был принят новым учителем как должное. Берни распростился с прозвищем «мечтатель», которое ходило за ним по пятам с пятилетнего возраста. Очевидно, он пришелся по душе новому учителю, потому что никаких нареканий в его адрес не поступало.

Но вот как-то раз Джейн попала в то самое предместье, где они жили раньше, и зашла повидаться с миссис Камерон в ее магазин, напротив школы.

— Так вы ничего не знаете о мистере Лоусоне? — спросила миссис Камерон.— Ведь он же умер.

Джейн побледнела.

— А как это случилось?

— Вам ведь известно, что мистера Лоусона перевели в другую школу, в пригороде. Как-то он спешил на своей маленькой машине по булыжной дороге и, кажется, налетел на дерево. Умер, не приходя в сознание, еще до того, как его доставили в больницу.

— А дети в здешней школе знают об этом?

— Да. Им сказали. Они собрали деньги и купили венок.

Джейн хотелось крикнуть, что сообщать об этом детям — варварство. Но делать уже было нечего. Она еще немного поговорила с миссис Камерон и ушла. Миссис Камерон просила, чтобы Джейн привезла к ней как-нибудь Берни. Но Джейн знала, что никогда больше сюда не приедет.

Берни, радостный, ждал ее возвращения. Он лежал на полу и ел яблоко, обняв одной рукой щенка.

— Ты видела там кого-нибудь из ребят, мама? Знают они что-нибудь о мистере Лоусоне?

— Да, у него все в порядке, — сказала Джейн.

— А как ты думаешь, он пьет из моей кружки? Может, в той новой школе, где он теперь работает, он вспоминает обо мне, когда свистит и пьет? Ведь он говорил, что кружка ему понравилась...

— Я уверена, что он пьет из нее и вспоминает тебя, дорогой.

Джейн встала около него на колени, второй Пит лизнул ее в лицо.

Нет, учитель никогда не может умереть, пока вокруг есть такие ученики, как Берни, которых он понял, спас от слепого подчинения чужой воле, дал возможность найти свой собственный путь.

Голова Берни лежала у нее на плече, глаза у него были задумчивыми, видно, в мыслях своих он был где-то далеко-далеко. Перед его взором вставал человек с упрямым ртом, с коротко остриженными волосами и доброй улыбкой, он не отрываясь пил из глиняной кружки со свистком в носике.

СОДЕРЖАНИЕ

Звуки музыки	3
Платье	12
Заколдованный круг	19
Пенни Вайз	29
Учитель	37

Бетти Коллинз

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Редактор — П. А. КРАВЧЕНКО

Технический редактор Я. М. Борисов

Сдано в набор 7/V 1971 г. А 08173. Подписано к печати 6/VII 1971 г.
Формат бум. 70×108^{1/32}. Объем 2,10 условн. печ. л. 2,85 учетно-изд. л.
Тираж 100 000. Изд. № 1552. Зак. № 1293.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ДОГОВОРЫ СМЕШАННОГО СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ

заключаются с гражданами СССР в возрасте от 16 до 65 лет на срок 5, 10, 15 или 20 лет, но не далее достижения ими 70-летнего возраста, на различные страховые суммы.

● Страхование жизни обеспечивает застрахованному получение страховой суммы при постоянной утрате трудоспособности от несчастного случая, происшедшего на производстве или в быту, а также по окончании срока страхования, независимо от выплат в период действия договора.

● Ежемесячные страховые взносы можно уплачивать как наличными деньгами, так и путем безналичного расчета через бухгалтерию по месту работы застрахованного.

Ознакомиться с условиями страхования и оформить договор можно в инспекции или у агента Госстраха.